

ПИТЕР КОЗЗЕНС

И БУДЕТ РЫДАТЬ ЗЕМЛЯ

КАК У ИНДЕЙЦЕВ ОТНЯЛИ АМЕРИКУ

Питер Коззенс

И будет рыдать земля. Как у индейцев отняли Америку

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67724022

*И будет рыдать земля: Как у индейцев отняли Америку: Альпина нон-фикшн; Москва; 2022
ISBN 9785001397441*

Аннотация

Новая книга Питера Коззенса, автора бестселлеров о Гражданской войне в Америке, разворачивает перед читателями масштабную панораму Индейских войн на Великих равнинах и в Скалистых горах – череды самых долгих и ожесточенных битв в истории Америки. В результате яростных и кровопролитных сражений коренные жители страны были лишены своих земель. Опираясь на свидетельства участников и архивные документы, Коззенс создает яркие портреты представителей противоборствующих сторон, не идеализируя и не очерняя никого из них. Эта потрясающая документальная сага позволяет взглянуть на трагическую историю индейцев с двух сторон – глазами участников яростной битвы за бескрайние пространства Северной Америки.

Особенности

Дополнена многочисленными картами сражений и редкими фотопортретами знаменитых участников Индейских войн.

Для кого

Для интересующихся малоизвестными страницами мировой истории.

Содержание

Перечень карт	9
Хронология	19
Пролог	21
Часть первая	35
Глава 1	35
Глава 2	73
Глава 3	103
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Питер Коззенс

И будет рыдать земля. Как у индейцев отняли Америку

Переводчик *Мария Десятова*

Научный редактор *Игорь Кузнецов, канд. ист. наук*

Редактор *Владимир Потапов*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *Е. Барановская, Е. Сметанникова*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

© Peter Cozzens, 2016

This translation published by arrangement with Alfred A. Knopf, an imprint of The Knopf Doubleday Group, a division of Penguin Random House, LLC.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

ПИТЕР КОЗЗЕНС

И БУДЕТ РЫДАТЬ ЗЕМЛЯ

КАК У ИНДЕЙЦЕВ ОТНЯЛИ АМЕРИКУ

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Посвящается Антониш

Если у белого человека отбирают землю, цивилизация оправдывает его сопротивление захватчику. Более того, если он покоряется воле злодея, цивилизация клеймит его трусом и рабом. Если же сопротивляется дикарь, цивилизация с десятью заповедями в одной руке и мечом в другой требует

немедленно его истребить.

Из рапорта Комиссии по заключению мира с индейцами, 1868 г.¹

Я помню, как белые шли воевать с нами и отбирать нашу землю, и решил, что это неправильно. Мы тоже люди, Господь создал нас всех одинаковыми, поэтому я намеревался всеми силами защищать свой народ. Так в шестнадцать лет я вступил на тропу войны.

ОГНЕННЫЙ ГРОМ, шайеннский воин²

Как много мы слышали о коварстве индейцев. В коварстве, в нарушении обещаний, во вранье, воровстве, убийстве беззащитных женщин и детей и во всех остальных проявлениях бесчеловечности, которые только существуют на свете, индейцы – просто дилетанты по сравнению с «благородным белым человеком».

БРИТТОН ДЭВИС, лейтенант армии США³

¹ 40th Cong., *Report of the Indian Peace Commissioners*, 28.

² DeMallie, *Sixth Grandfather*, 106.

³ Britton Davis, *Truth About Geronimo*, 167.

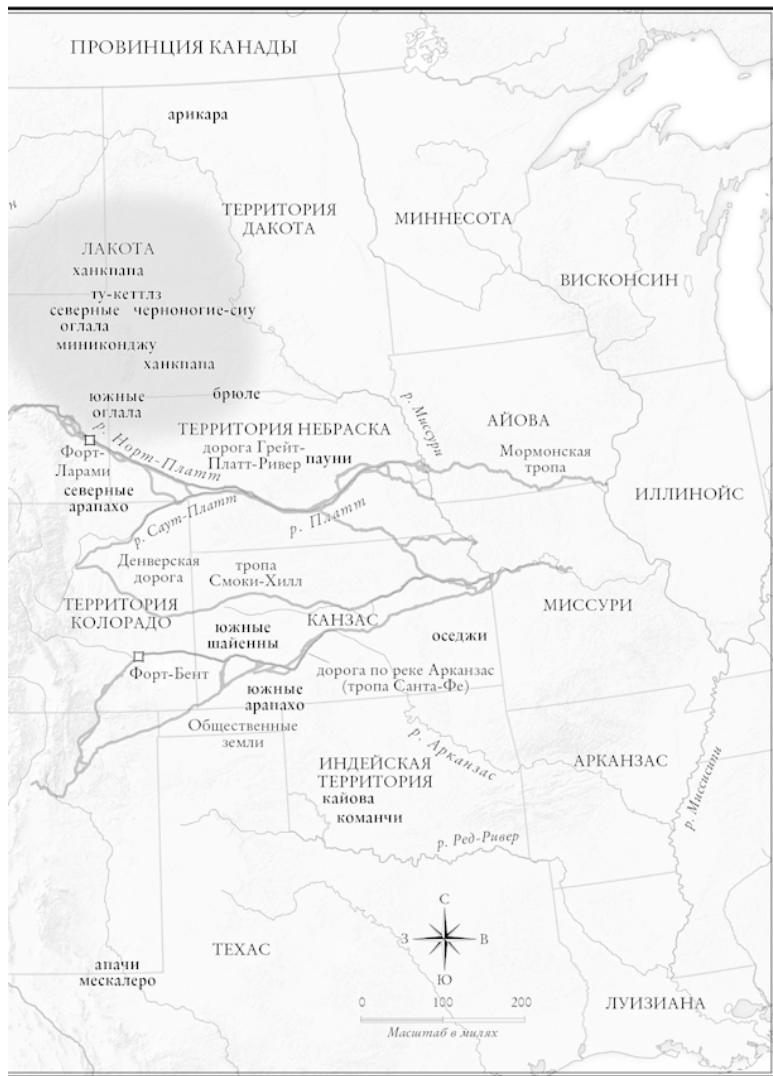
Перечень карт

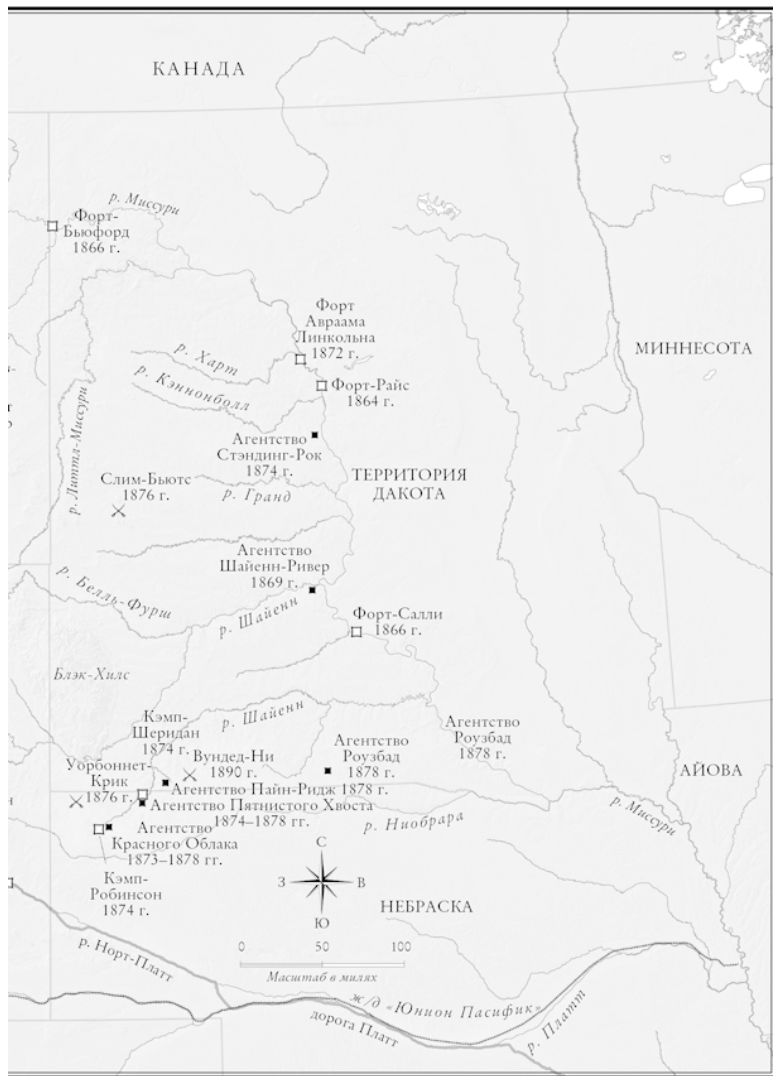
1. Племена американского Запада, 1866 г.
2. Северные равнины
3. Южные равнины
4. Апачерия
5. «Война Красного Облака», 1866–1868 гг.
6. Кампания Шеридана, 1868–1869 гг.
7. Война с модок, 1872–1873 гг.
8. Война на Ред-Ривер, 1874–1875 гг.
9. Кампания Крука в бассейне р. Тонто, 1872–1873 гг.
10. Экспедиции к р. Йеллоустон и в Блэк-Хилс, 1873–1874 гг.
11. Кампания Литлл-Бигхорн, май-июнь 1876 г.
12. Сражение на Литгл-Бигхорн, 25 июня 1876 г.
13. Завершение Великой войны сиу, июль 1876 – май 1877 гг.
14. Шайенны, ноябрь 1876 – январь 1879 гг.
15. Война с нез-перс, 1877 г.
16. Война с ютами, 1879 г.
17. Сьерра-Мадре, 1883–1886 гг.
18. Резервации лакота и развертывание войск, ноябрь – декабрь 1890 г.
19. Вундед-Ни, 29 декабря 1890 г.

1. Племена Американского Запада, 1866 г.

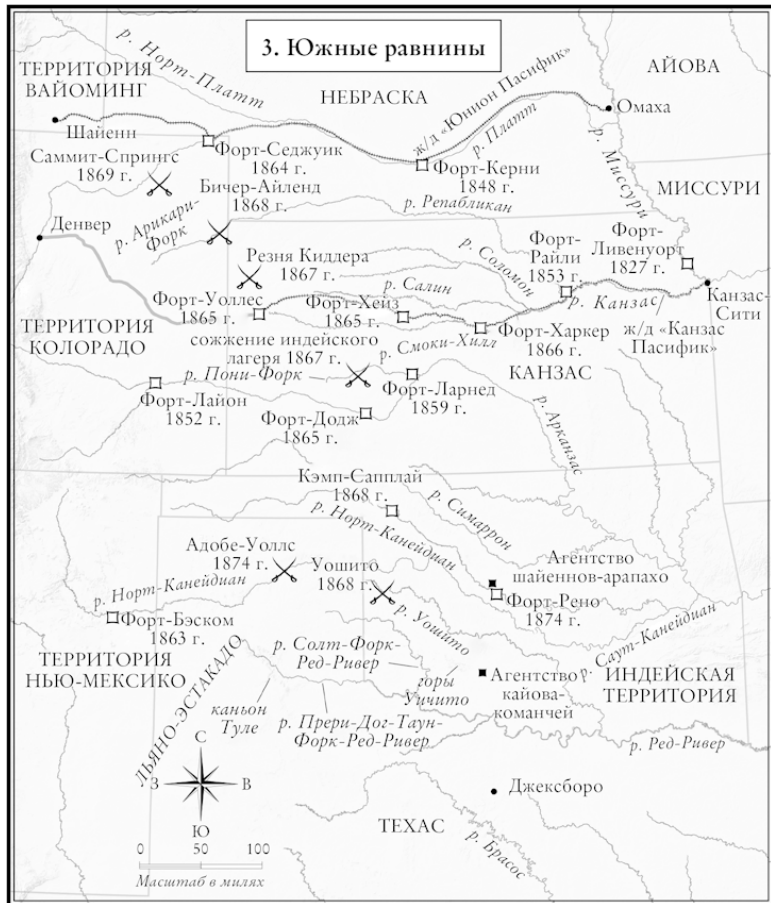
ОБЪЕДИНЕННАЯ

3. Южные равнины

Хронология

1862 г.	Август– декабрь.	Восстание дакотов (сиу), Миннесота.
1864 г.	29 ноября.	Резня у Сэнд-Крик, Колорадо.
1865 г.	27 июня.	Генерал Шерман принимает командование Миссурийским военным округом.
	Октябрь.	Подписание договора на р. Литгл-Арканзас с племенами южных равнин.
1866 г.	Июль.	Начало войны Красного Облака на Бозменской тропе, Территория Монтана.
	21 декабря.	Битва Феттермана, Территория Монтана.
1867 г.	19 апреля.	Генерал Хэнкок сжигает лагеря на Пауни-Форк в Канзасе, развязывая т. н. войну Хэнкока.
	1 июля.	Резня Киддера, Канзас.
	1 августа.	Битва на сенокосном лугу, Территория Монтана.
	2 августа.	Битва в фургонных коробках, Территория

Пролог

«Наши дети порой бедокурят»

В апреле 1863 г. Американский музей Барнума предлагал посетителям увлекательное зрелище: за 25 центов поглазеть на одиннадцать индейских вождей, прибывших с Великих равнин в Нью-Йорк на встречу с «Великим Отцом» – президентом Авраамом Линкольном. Никакого сравнения с типичными для представлений Барнума «краснокожими попрошайками и забулдыгами из восточных резерваций», уверяла *The New York Times*. Это люди совсем иного склада: шайенны, арапахо, кайова и команчи, «грозные кочевники из самых дальних и недоступных долин Скалистых гор». Барнум обещал давать по три представления в день для строго ограниченного числа зрителей. «Спешите, иначе не успеете! – зазывал великий шоумен. – Они тоскуют по дому, по родным зеленым лугам и диким лесам. Кто не увидит их сейчас, не увидит никогда!»⁴

Любопытство горожан подогревала масштабная рекламная кампания: Барнум возил индейцев по улицам Манхэттена в огромной повозке, перед которой маршировал оркестр, заезжал с вождями в школы, где дети пели гостям песни и демонстрировали гимнастические упражнения. И хотя газе-

⁴ *The New York Times*, April 11, 1863.

ты над этим потешались, на самом деле город был покорен. Публика валом валила на инсценированные пау-вау⁵ в четырехъярусном театральном зале Барнума на Бродвее. Индейцы говорили мало, но их разрисованные лица, длинные косы, рубахи из оленьей кожи и узкие штаны-леггинсы с кожаной бахромой приводили зрителей в восторг. 18 апреля, во время последнего выхода на поклон, вождь южных шайеннов Тоший Медведь попрощался с жителями Нью-Йорка от имени всей делегации⁶.

Тоший Медведь был членом Совета Сорока Четырех⁷ – главного органа управления народа шайеннов. Обычай предписывал входящим в него вождям, выполнявшим обязанности миротворцев, не подменять доводы рассудка эмоциями и всегда действовать в интересах племени. В 1863 г. старейшие шайеннские вожди понимали эти интересы как дружеские и мирные отношения с растущим белым населением Территории Колорадо. Однако официальный Вашингтон был обеспокоен. Поговаривали, что индейцев Великих рав-

⁵ Пау-вау (англ. PowWow) – танцевальный костюмированный фестиваль, коммерческое мероприятие, рассчитанное на широкого зрителя. Символ стереотипного индейца вестернов. – *Прим. науч. ред.*

⁶ *The New York Times*, April 8 and 11, 1863; Hoig, *Peace Chiefs*, 74.

⁷ Совет Сорока Четырех – традиционный институт власти шайеннов. В нем были представлены все десять подразделений, или общин (хевикс-нипахис, масикота, сутаю и др.), на которые прежде делились шайенны, – по четыре представителя от каждого, не считая еще четырех так называемых Вождей-Старцев с самым высоким статусом. – *Прим. науч. ред.*

нин обрабатывают агенты конфедератов-южан, подбивая их на войну. Чтобы предотвратить возможный конфликт (на самом деле эти опасения были беспочвенными) и уладить разногласия с племенами, Бюро по делам индейцев⁸ и устроило для Тощего Медведя и еще десяти вождей встречу с Великим Отцом. Делегацию сопровождал представитель Бюро – уполномоченный по делам индейцев Самуэль Колли, а также белый переводчик.

Утром 26 марта 1863 г., за две недели до нью-йоркского шоу, индейцы с сопровождающими прошли колонной сквозь перешептывающийся строй министров, иностранных дипломатов и высокопоставленных любителей всего диковинного в Восточный зал Белого дома. «Исполненные то ли невозмутимого достоинства, то ли бесстрастия, отличающих этих лесных стойков, – писал вашингтонский репортер, – они безмолвно расселись полукругом на ковре и, отдавая дань уважения представшему их взорам величию, явно гордились великолепием собственных уборов и раскраски»⁹.

Продержав гостей в ожидании пятнадцать минут, в зал размашистым шагом вошел президент Линкольн и спросил у вождей, есть ли им что сказать. На ноги поднялся Тощий Медведь. Но когда толпа высокопоставленных зевак подсту-

⁸ Бюро по делам индейцев (Индийское бюро, Bureau of Indian Affairs) – агентство правительства США. Основано в 1824 г. в составе военного ведомства, с 1849 г. – в составе Министерства внутренних дел США. – *Прим. ред.*

⁹ *Washington Evening Star*, March 27, 1863.

пила ближе, вождь, несколько смешавшись, проговорил с запинкой, что сказать ему хотелось бы многое, однако он очень нервничает и ему лучше бы присесть. Принесли два кресла, Линкольн уселся напротив вождя. Баюкая в ладони свою длинную трубку, Тощий Медведь повел речь, сперва неуверенно, потом все живее и красочнее. Он сказал Линкольну, что его приглашение преодолело долгий путь до их ушей и такой же долгий путь проделали сами вожди, чтобы выслушать его слово. И хотя в карман это слово Тощий Медведь не положит, потому что карманов у него нет, он надежно сохранит его в сердце и бережно передаст своему народу.

Тощий Медведь обращался к Линкольну как к равному. Пусть президент живет в роскошной палатке, но для своего народа он, великий вождь Тощий Медведь, сродни президенту. Великий Отец должен дать своим белым детям наставление воздержаться от бесчинств, и тогда индейцы и белые смогут передвигаться по Великим равнинам без опасности. Тощий Медведь порицает войну между белыми, которая сейчас бушует на востоке, и молится об ее окончании. В заключение он напомнил Линкольну, что ему и остальным вождям – предводителям своих народов – пора возвращаться домой, и поэтому он просит президента не затягивать их отъезд¹⁰.

Затем говорил Линкольн. Взяв доброжелательный, но отчетливо снисходительный тон, он рассказал вождям о чуде-

¹⁰ *Washington Daily Intelligencer*, March 27, 1863.

сах, которые им даже вообразить не под силу, о присутствующих в зале «бледнолицых», прибывших из дальних стран, о том, что земля – это «огромный круглый шар, на котором не счесть белых». Он велел принести глобус и попросил стоявшего в зале профессора показать гостям океан и континенты, множество населенных белыми государств и напоследок – широкую бежевую полосу, обозначающую Великие равнины Соединенных Штатов.

Закончив этот урок географии, Линкольн посерьезнел: «Вы просите моего совета... Могу сказать лишь, что не представляю, как вашему народу стать таким же многочисленным и процветающим, как белый, если не возделывать землю и не кормиться ее плодами. Задача нашего правительства, – продолжал Линкольн, – поладить миром с вами и со всеми вашими краснокожими братьями... и если наши дети бедокурят порой или нарушают уговоры, то делают они это против нашей воли. Понимаете, – добавил он, – отцу не всегда удается заставить детей вести себя в точности так, как ему хочется». Линкольн сказал, что о скорейшем возвращении делегации на запад позаботится чиновник, именующийся уполномоченным по делам индейцев. В ознаменование мира вождям выдали медали из бронзированной меди, а также подписанные Линкольном бумаги, подтверждающие дружбу индейцев с правительством Штатов. Тошй Медведь поблагодарил президента, и на этом совет был завершён¹¹.

¹¹ Basler, *Collected Works of Abraham Lincoln*, 6:151–53; *Washington Daily*

Однако покинуть Вашингтон сразу после встречи в Белом доме вождям не удалось. Считая, видимо, что самого путешествия на восток будет недостаточно, чтобы продемонстрировать могущество белой нации, уполномоченный по делам индейцев еще десять дней таскал делегацию по разным правительственным учреждениям и военным укреплениям. Затем Колли принял приглашение Барнума приехать в Нью-Йорк. К тому времени, как 30 апреля 1863 г. индейцы погрузились в поезд на Денвер, они провели в больших белых городах почти месяц¹².

Для Территории Колорадо мирный договор президента Линкольна с вождями остался пустым звуком: представления губернатора этих земель Джона Эванса о дружбе разных рас сводились к тому, чтобы загнать шайеннов в крохотную резервацию в засушливой местности. Три года назад было подписано соглашение, по которому индейцы принимали условия жизни в резервации, однако обязать свои племена поступиться свободой ни Тощему Медведю, ни другим мирным вождям было не под силу. Шайенны по-прежнему охотились там же, где их деды и прадеды, – в восточной части

Intelligencer, March 27, 1863: Powell, *People of the Sacred Mountain*, 1:244.

¹² *The New York Times*, April 7, 13, and 17, 1863.

современного штата Колорадо и на незаселенных равнинах западного Канзаса. Белых они не трогали, считая, что с белыми соседями у них мир, но жителей Колорадо их соседство выводило из себя. Губернатор Эванс и командующий военным округом полковник Джон Чивингтон, надеявшийся реализовать в Колорадо свои политические амбиции, воспользовались сомнительными донесениями, что шайенны крадут скот, и объявили племени войну. В начале апреля 1864 г. Чивингтон отдал приказ кавалерии прочесать западный Канзас и расправиться «с каждым встреченным шайенном».

Всю зиму и начало весны Тощий Медведь и его товарищ по Совету Сорока Четырех Черный Котел стояли мирным лагерем под Форт-Ларнедом в Канзасе, обменивая бизоньи шкуры на нужные им товары. И вот настал день, когда гонцы принесли весть о надвигающейся опасности. Спешно созвав своих охотников, Тощий Медведь и Черный Котел двинулись на север, чтобы примкнуть к шайеннским отрядам, собирающимся на реке Смоки-Хилл, и защитить себя. Но правительственные войска перехватили их.

В ночь на 16 мая 1864 г. Тощий Медведь и Черный Котел разбили лагерь на поросшем тополями глинистом берегу ручья менее чем в 5 км от Смоки-Хилл. На рассвете охотничьи партии рассыпались по равнине в поисках бизонов, но вскоре они вернулись, скача во весь опор к палатке лагерного глашатая. Они заметили на горизонте четыре колонны всадников в военной форме, при которых имелись пушки. По-

ка глашатай будил селение, Тощий Медведь с несколькими сопровождающими выехал навстречу солдатам. На груди у него поблескивала врученная президентом Линкольном медаль, в руке он сжимал подписанный в Вашингтоне договор о мире и дружбе. Поднявшись на невысокий косогор, вождь увидел войска – и сам оказался у них на виду. Офицер развернул свой отряд – 84 человека и две горные гаубицы – в боевой порядок. За спиной Тощего Медведя собирались 400 воинов его селения¹³.

Тощий Медведь двинулся вперед, ему навстречу легким галопом поскакал сержант. Вождь, судя по всему, не подозревал ничего дурного. Как-никак они с Великим Отцом договорились соблюдать мир. В Белом доме его приветствовали важные люди со всего света. Военные в окружающих Вашингтон фортах были с ним почтительны и любезны. Жители Нью-Йорка оказывали ему почести. У него есть медаль и бумаги, подтверждающие, что он друг белым. Но Великие равнины – это не Вашингтон и не Нью-Йорк, это отдельный мир.

Когда Тощий Медведь оказался в десятке шагов от строя, солдаты открыли огонь. Вождь покачнулся в седле и замертво рухнул на землю. Едва дым рассеялся, кавалеристы, подъехав к телу вождя, всадили в него еще несколько пуль. В точности как сказал президент Линкольн: порой его дети бедо-

¹³ Berthrong, *Southern Cheyennes*, 168–86; Powell, *People of the Sacred Mountain*, 1:257, 263; Hoig, *Sand Creek Massacre*, 47–50.

курят¹⁴.

Однажды интервьюер спросил знаменитого генерала Индейских войн Джорджа Крука, как он относится к своей службе. Нелегкое это дело, ответил генерал. Тяжело сражаться с индейцами, ведь правда в большинстве случаев на их стороне. «Я вполне могу их понять, и вы наверняка тоже поймете: они не в силах стоять и смотреть, как голодают их жены и дети и как у них отнимают последний источник средств существования. Поэтому они берутся за оружие. И тогда нас посылают расправиться с ними. Это возмутительно. Все племена рассказывают одно и то же. Их окружают со всех сторон, у них отбирают охотничью добычу или уничтожают ее, и перед лицом голодной смерти им остается только одно – сражаться, пока могут. То, как мы поступаем с индейцами, – это беззаконие»¹⁵.

Не верится, что генерал мог во всеуслышание оправдывать индейцев, да еще так горячо и откровенно, ведь миф о том, что регулярная армия и индейцы были непримиримыми врагами, не изжил себя до сих пор.

¹⁴ Powell, *People of the Sacred Mountain*, 1:263–64; Grinnell, *Fighting Cheyennes*, 145; Hoig, *Peace Chiefs*, 75–76; *War of the Rebellion: Official Records*, vol. 34, pt. 1, 931.

¹⁵ “Bannock Troubles”, 756.

Ни один период становления Америки не породил такого количества мифов, как эпоха Индейских войн на Американском Западе. На протяжении ста двадцати пяти лет в академической и популярной истории, в кино и в литературе ее изображали как эру абсолютной борьбы добра и зла, в которой злодеями или героями оказывалась то одна, то другая сторона, в зависимости от того, что диктовало меняющееся национальное самосознание.

В первые восемьдесят лет после Резни у ручья Вундед-Ни (Раненое Колено), ознаменовавшей конец индейского сопротивления, американцы романтизировали военных и белых поселенцев, а оказывавших им отпор индейцев либо демонизировали, либо опошляли. Военные представляли рыцарями в сияющих доспехах, доблестным войском просвещенного государства – покорителя диких земель, «цивилизующего» Запад Америки и его коренных обитателей.

В 1970 г. история окрасилась в иные тона. Американцы начинали все острее осознавать, сколько зла они причинили индейцам. Прекрасно написанная, полная душевной боли книга Ди Брауна «Схороните мое сердце у Вундед-Ни» (*Buy My Heart at Wounded Knee*) и вышедший вслед за ней фильм «Маленький большой человек» положили начало новой саге, выразившей чувство вины американского народа. В общественном сознании правительство и армия последних десятилетий XIX в. превратились в сознательных истребителей коренного населения Американского Запада. (На самом деле

даже в то время подход Вашингтона к так называемой индейской проблеме был неоднозначным. Хотя резня и нарушение мирных договоров действительно имели место, о геноциде федеральное правительство не помышляло. При этом считалось само собой разумеющимся, что если искоренять самих индейцев и не нужно, то все индейское в них надо искоренить наверняка.)

«Схороните мое сердце у Вундед-Ни» и сейчас формирует представление американцев об Индейских войнах, это классика популярной исторической литературы. То, что такой важный период нашей истории до сих пор определяется работой, никоим образом не претендовавшей на соблюдение исторического равновесия, одновременно парадоксально и уникально. Ди Браун говорил в предисловии, что его задачей было «показать завоевание Американского Запада глазами его жертв», отсюда и подзаголовок книги: «История Американского Запада, рассказанная индейцами». При этом круг жертв в книге сильно ограничен. Индейцев, примкнувших к белым (в первую очередь шошонов, кроу и пауни), Ди Браун презрительно именуется наемниками и в расчет не принимает, даже не пытаясь понять и объяснить мотивы их действий. Наравне с армией и властями эти племена превращены в статистов, картонные фигурки, контрастный фон для «жертв».

Такой однобокий подход к изучению истории ни к чему хорошему в итоге не приводит; невозможно честно оценить ни всю глубину несправедливости обращения с индейцами,

ни подлинную роль американской армии в те трагические времена, не разобравшись детально в позициях индейцев и белых. Цель моей книги – соблюсти историческое равновесие в исследовании Индейских войн. Я бы поостерегся говорить о «восстановлении» равновесия, поскольку с момента закрытия военной границы-фронта¹⁶ в 1891 г. отношение общественности к событиям той поры качается, как маятник, то в одну, то в другую сторону.

Бесценную службу сослужил мне огромный массив индейских первоисточников, к которым был открыт доступ после публикации «Схороните мое сердце у Вундед-Ни». Они позволили мне в равной мере дать слово белым и индейцам и, глубже вникнув в мотивы обеих сторон конфликта, более последовательно разобраться во множестве мифов, заблуждений и вымыслов, которыми окружены Индейские войны.

Один из таких мифов, не менее стойкий, чем миф о безусловной и неизменной ненависти армии к индейцам, – это миф о единодушном противостоянии индейцев белым захватчикам. Ни одно сражавшееся с властями племя никогда не объединялось ни для войны, ни для заключения мира с противником. Всесильно властвовала фракционность, в каждом племени имелись свои партии войны и мира, которые боролись за господство и вступали в стычки, порой весь-

¹⁶ Фронт (frontier – «граница») – территория, граничащая с землями индейцев, сдвигающаяся зона освоения и заселения белыми американцами земель Дикого Запада. – *Прим. пер.*

ма жестокие. Один из самых убежденных сторонников того, что с белыми нужно поладить миром, заплатил за свои убеждения жизнью: его отравил обозленный член группировки, выступавшей за войну.

Единодушие наблюдалось только среди племен, которые благосклонно отнеслись к вторжению белых. Такие влиятельные вожди, как Уошаки (Вашаки) у шошонов, смотрели на правительство как на гарантию того, что их народ уцелеет в противостоянии с более сильными племенами. Во время войн шошоны, кроу и пауни на деле доказали свою незаменимость для регулярной армии, следуя принципу «враг моего врага – мой друг».

Индейцы не только не выступили единым фронтом против «цивилизационной» экспансии с Востока страны – племена продолжали сражаться между собой. Общего «индейского духа» у них не было – он возник слишком поздно, забрезжив в миллениарной вере, которая не принесла с собой ничего, кроме кровопролития, обернувшихся явью кошмаров и крушения надежд.

Конфликты между племенами отчасти вызывались обстоятельством, которое до сих пор оставалось в тени, но по мере прочтения этой книги будет проступать все отчетливее. Сражения между индейцами и правительством за северную часть Великих равнин, где произошли самые долгие и кровавые баталии, были не уничтожением прочно и глубоко укоренившегося уклада индейской жизни, а вытеснением одних

переселенцев другими. Через десять лет после гибели Тощего Медведя один армейский офицер спросил шайеннского вождя, почему его племя охотится на землях своих соседей кроу. Тот ответил: «Мы отобрали их охотничьи земли, потому что те были лучше наших. Нам требовалось больше места»¹⁷. Под этим объяснением, судя по всему, подписались бы и белые переселенцы в Колорадо, стремящиеся избавиться свою территорию от шайеннов.

¹⁷ Цит. по: Powers, *Killing of Crazy Horse*, 36.

Часть первая

Глава 1

Равнины в огне

Сказав Тощему Медведю, что «дети порой бедокурят», президент Линкольн выразился слишком мягко. На протяжении двух с половиной столетий, прошедших с момента основания белыми первого поселения (Джеймстауна в Виргинии) до предостережения, услышанного шайеннским вождем от Линкольна, белые неустанно продвигались на запад, тесня индейцев и не вспоминая не только о мирных договорах, но и о простом человеколюбии. Правительство молодой Американской республики не ставило цели истребить индейцев. Однако и простым расширением территории отцы-основатели ограничиваться не думали. Они хотели «просвещать и облагораживать» индейцев, обратить дикарей-язычников в христианство, приобщить к благам сельского хозяйства и домоводства – иными словами, уничтожить неприемлемый для них уклад жизни, не убивая, а цивилизуя его носителей.

«Цивилизованных» индейцев не собирались оставлять на землях предков. Правительство собиралось скупить эти зем-

ли по сходной цене, заключая договоры на том юридическом основании, что племена обладают правами на освоенную им территорию и достаточным суверенитетом, чтобы уступить эти права истинному суверену – Соединенным Штатам. Федеральное правительство также обязалось не лишать индейцев земли без их согласия и не вступать с ними в войну, не получив одобрения Конгресса. Чтобы не допустить посягательств поселенцев или отдельных штатов на права индейцев, Конгресс в 1790 г. ввел в действие первый из шести законодательных актов, известных как Акт о воспрещении сношений с индейцами (Indian Nonintercourse Act). Он не позволял покупать индейские земли без одобрения федеральных властей и вводил суровое наказание за преступления против индейцев.

Как и следовало ожидать, пункт о наказании весьма скоро обнаружил свою беззубость. Президент Джордж Вашингтон пытался вступить за индейцев, требуя для них полноценной правовой защиты, но для белого населения, настроенного на захват территорий, находившихся вне юрисдикции федерального правительства, эти воззвания были пустым звуком. Чтобы предотвратить кровавые столкновения, Вашингтон отправил войска на фронт – район военной границы с землями индейцев. Ввязавшись в конфликт, немногочисленная американская армия две недели тратила свои не слишком большие ресурсы, отбивая Старый Северо-Запад у сильных индейских конфедераций в необъявленной войне. Так

был создан печальный прецедент, и с тех пор мирные договоры стали не более чем юридическим прикрытием самого настоящего грабежа, который Конгресс пытался смягчить аннуитетом – регулярными денежными выплатами и подарками индейцам.

Ни одного из президентов после Джорджа Вашингтона права индейцев уже не заботили. Более того, именно исполнительная власть направляла процесс изгнания коренных американцев с их родных земель. В 1817 г. президент Джеймс Монро заявил генералу Эндрю Джексону, что «дикарское существование предполагает излишек территории, несовместимый со справедливыми требованиями цивилизации и прогресса, которым дикарь должен подчиниться». Став президентом в 1830-х гг., Джексон довел идею Монро до логического, но жестокого завершения. Воспользовавшись Актом об индейском перемещении 1830 г. и применяя меры принуждения разной степени суровости, Джексон загнал скитавшиеся по Старому Северо-Западу индейские племена за Миссисипи. Когда южане потребовали открыть для заселения индейские земли в Алабаме и Джорджии, Джексон переселил и так называемые Пять цивилизованных племен – чокто, чикасо, криков, чероки и семинолов – на Индейскую территорию к западу от Миссисипи. Тогда это было неподъемное для освоения, гигантское пространство, охватывающее несколько будущих штатов, которое постепенно сократилось до границ современной Оклахо-

мы. Большинство «цивилизованных» племен переселились безропотно, однако с семинолами, не пожелавшими уступить свои укрепления во Флориде, армии пришлось вступить в две долгие кровопролитные стычки – в результате горстка семинолов все же осталась на своих землях¹⁸.

Джексон ни на миг не усомнился в справедливости своих действий, свято веря, что на том берегу Миссисипи индейцы будут свободны от всех притеснений. Охотники на пушных зверей (трапперы), торговцы и миссионеры смогут беспрепятственно проходить через новые места обитания индейцев на Великие равнины или в окаймляющие их горы, но столкновений и беспорядков можно больше не опасаться, ведь армейские разведчики доложили, что эти равнины непригодны для заселения, и народ поверил им на слово.

В действительности новые рубежи начинали мало-помалу проверять на прочность. Торговля пушшиной на реке Миссури вела к расширению контактов белых с племенами Запада страны. Кроме того, договоры о переселении обязывали федеральное правительство защищать переселенные племена не только от белых, но и от враждебных индейцев Великих равнин, не желавших делить свою землю с пришлыми, будь они хоть бледнолицые, хоть краснокожие. В это же время белые жители Миссури и Арканзаса требовали защиты от перемещенных индейцев, обнаруживших, что их новые земли оказались отнюдь не райскими. Правительство откликну-

¹⁸ Prucha, *American Indian Treaties*, 18, 21, 22, 65, 72, 100–101.

лось: в 1817–1842 гг. на юг от Миннесоты до северо-запада Луизианы протянулась цепь из девяти фортов, образуя искажающую и провоцирующую условную линию под названием «Постоянная индейская граница».

О 275 000 индейцев, обитавших вне Индейской территории и за новоявленной военной границей, правительство задумывалось мало, а знало еще меньше¹⁹. Представления белых об индейцах Американского Запада были весьма примитивными и лишенными полутонов: индейцев считали либо благородными героями, либо отвратительными варварами. Но когда «Постоянная индейская граница» распалась, не прoderжавшись и десяти лет, цепь катастрофических событий неожиданно столкнула лицом к лицу индейцев и белых к западу от Миссисипи.

Первая трещина в «Постоянной границе» наметилась в 1841 г. На равнины просочилось несколько медлительных и неповоротливых караванов, состоящих из «шхун прерий» —

¹⁹ Установить численность индейского населения на Западе удастся в лучшем случае в грубом приближении. От Техаса до Британской Канады кочевало по Великим равнинам около 75 000 индейцев. В Техасе проживало 25 000, на территориях, уступленных Мексикой (современная Калифорния и Нью-Мексико), — 150 000 индейцев, в Орегонской земле, включавшей в себя будущие штаты Вашингтон, Орегон и Айдахо, индейское население составляло 25 000 человек. Utley, *Indian Frontier*, 4.

крытых белой парусиной фургонов. В них ехали переселенцы, соблазнившиеся мечтами о плодородных землях Калифорнии и Орегона. Вскоре робкая струйка переросла в полноводный поток. Вдоль кромки зыбучих песков по берегу мрачной реки Платт колеса фургонов проложили колею, которая войдет в память нации как Орегонская тропа.

Затем в 1845 г. был присоединен Техас, а еще год спустя Соединенные Штаты и Британия наконец разрешили свой спор по поводу границы Орегона. В начале 1848 г. завершилась Американско-мексиканская война и был подписан Договор Гуадалупе-Идальго, по которому Мексика уступала Штатам Калифорнию, Большой Бассейн и Юго-Запад, а также отказывалась от притязаний на Техас и признавала Рио-Гранде международной границей. Всего за три года Соединенные Штаты увеличили свою площадь почти на полтора миллиона кв. км, и теперь весь континент от края и до края занимала одна страна. Сторонники экспансионизма призывали исполнить «явное предназначение» американской нации и заселить Техас, Калифорнию и тихоокеанский Северо-Запад (на Великие равнины пока смотрели как на огромное неустранимое препятствие). В августе 1848 г. на Американ-Ривер в Калифорнии было найдено золото. Следующий год ознаменовался массовым переселением американцев на Запад, равного которому молодая страна еще не знала. Спустя десять лет в Калифорнии было больше белых, чем индейцев на всем Американском Западе. Несущие ге-

ноцид золотоискатели сильно проредили мелкие миролюбивые племена калифорнийских индейцев, и рост белых поселений на недавно организованной Территории Орегон начал настораживать более сильные северо-западные племена.

До открытого конфликта дело пока не доходило, но мир, как предостерег уполномоченный по делам индейцев, уже трещал по швам. Индейцев, заявил он, от нападения на обозы переселенцев все это время сдерживала исключительно надежда на дары от правительства, а вовсе не страх, поскольку они «еще не ощутили нашу мощь и ничего не знают о нашем величии и возможностях»²⁰.

Эту мощь они ощутят еще не скоро. Политика правительства применительно к индейцам была далека от последовательной, а небольшой регулярной армии требовалось время, чтобы возвести форты на Западе. Однако в любом случае уполномоченный по делам индейцев тревожился напрасно: масштабного сплоченного сопротивления засилью белых ожидать не приходилось. Прежде всего потому, что индейцы не видели в нашествии белых апокалиптической угрозы своему многовековому укладу. Но даже если бы и видели, индейцы Американского Запада не обладали общей идентичностью, чувством «индейскости», и они были слишком занята, воюя друг с другом, чтобы объединиться для борьбы со сторонней угрозой.

Это и была их ахиллесова пята. Лишь на тихоокеанском

²⁰ 31st Cong., *Annual Report of the Commissioner of Indian Affairs* (1849), 7.

Северо-Западе индейцы сумели сплотиться в попытке противостоять внезапной и мощной экспансии белых. На Западе же редким племенам удалось сохранить хотя бы внутреннее единство, необходимое для отпора белым. Почти в каждом племени наметился раскол: одни выступали за то, чтобы поладить с белыми и принять их образ жизни, другие держались за традиционный уклад и противились уговорам мирно переселиться в резервации. Правительство научилось ловко пользоваться этими разногласиями, обеспечивая армии могучую «пятую колонну», помогающую воздействовать на враждебных индейцев. Кроме того, армии играли на руку межплеменные распри, составлявшие неотъемлемую часть культуры индейцев Запада. Потребность военных в индейских союзниках, чтобы превзойти противника численностью, быстро стала очевидной.

Межплеменные отношения никаких полутонов и нюансов не признавали: чужак может быть либо врагом, либо союзником. Наиболее напряженной была обстановка на северных равнинах, где между племенами шла нескончаемая война за охотничьи угодья. На Американском Западе выживали и процветали преимущественно племена индейцев, которые объединялись в союзы. Тем же из них, которые пытались выстоять в одиночку, приходилось туго. Большие сражения были редкостью, обычно война принимала форму бесконечных мелких набегов и ответных нападений, в результате которых победителю удавалось захватить часть земель проигравшего.

Основой жизни индейцев Великих равнин был бизон. Бизонье мясо составляло значительную часть рациона. Из шкуры делали накидки, чтобы укрываться и греться самим и выменивать на другие товары, а также емкости для транспортировки и хранения и, наконец, покрытия для знаменитого жилища конической формы – типи²¹ (палатки). В ход шли все части бизоньей туши, ничто не пропадало зря. Охота на бизонов имела не только хозяйственное значение, она формировала религию и культуру индейцев Великих равнин.

Задолго до того, как американские переселенцы рискнули перебраться на другой берег Миссисипи, культуру индейцев Великих равнин и Скалистых гор радикально изменили европейские «дары»: лошади, ружья и болезни. Лошадей в Новый Свет привезли в XVI в. испанцы. По мере того как испанская граница сдвигалась вглубь территории современных Соединенных Штатов, лошади оказывались в руках индейцев, а затем путем обмена (и воровства) к конной культуре приобщалось одно племя за другим. В 1630 г. всадников среди индейцев не было, к 1750 г. почти все племена Великих равнин и большинство племен Скалистых гор скакали на конях. Конечно, «бизонья» культура возникла задолго до этих перемен, но охотиться на бизонов верхом оказалось гораздо удобнее. Кроме того, лошади увеличили частоту и на-

²¹ Типи – переносное жилище кочевников Великих равнин, конической формы, крытое шкурами или парусиной, в отличие от полусферического вигвама из коры коренного населения района Великих озер. – *Прим. науч. ред.*

кал межплеменных стычек, поскольку верхом стало возможно покрывать расстояния, немислимые для пешего. Ружья, с которыми индейцев познакомили французские трапперы и торговцы, увеличили потери в стычках. Еще больше смертей сеяли болезни, которые принесли с собой бледнолицые. Болезни опустошали индейские племена Запада так же, как до этого – племена, обитавшие к востоку от Миссисипи. Сколько жизней они унесли, доподлинно не знает никто, но только от холеры в 1849 г. погибла половина индейского населения западных равнин²².

Ирония событий на Великих равнинах заключалась в том, что ни для одного из воевавших с регулярной армией племен земли, которые они называли своими, не были исконными. Все эти племена очутились там в ходе масштабной миграции, вызванной заселением Востока страны белыми. И в 1843 г., когда была проложена Орегонская тропа, до завершения массового исхода, начавшегося в конце XVII в., было еще далеко. Перемещенные племена, хлынув на равнины, начали соперничать с их коренными обитателями за охотничьи угодья. И потому, подчеркнем это еще раз, грядущие сражения за Великие равнины между индейцами и правительством – самые долгие и кровопролитные за все время Индейских войн – по сути своей окажутся столкновениями между мигрантами. Да, в результате будет утрачен традици-

²² Koster, “Smallpox in the Blankets”, 36; Powell, *People of the Sacred Mountain*, 1:93–97.

онный индейский уклад жизни, но не то чтобы очень давний.

Самыми сильными из племен, перекочевавших на Великие равнины до нашествия белых, были сиу²³, прежде обитавшие в лесах нынешнего Среднего Запада. Перемещаясь на запад, нация сиу разделилась на три части: полуоседлых дакота, державшихся берегов реки Миннесота, накота, поселившихся к востоку от Миссури, и лакота, с боем прорывавшихся на северные равнины. Именно лакота мы и представляем себе, когда перед глазами встает образ конного охотника на бизонов, – эта ветвь составляла почти половину народа сиу. Лакота, в свою очередь, делились на семь племен (оглала, брюле, миниконджу, ту-кеттлз, ханкпапа, черноногих-сиу и санс-арк), из которых самыми крупными были оглала и брюле. По численности эти два племени превосходили все остальные, не принадлежавшие к лакота, племена северных равнин.

Продвигаясь в начале XIX в. на запад через нынешнюю Небраску и обе Дакоты, лакота постепенно объединялись с

²³ Сиу (от франц. – англ. Sioux, произносится «су») – обширная группа племен, объединенных языковым родством. К сиу относятся упоминаемые в книге кроу (от англ. Crows – «вороны»), ассинибойны (накота), омаха, оседжи (осейдж), кау (канза) и др. Сиу в узком смысле (или дакота) – племена так называемой Великой Нации сиу (Семь Костров Совета): санти (мдевакантон, вахпетон, вахпекуте, сиссетон), янктон, янктонаи и тетон (лакота). Последние также делились на так называемые подплемена: оглала, брюлэ, санс-арк (Без Луков), ханкпапа, миниконджу (миннеконджу), сихасапа, или черноногие-сиу (не путать с собственно черноногими, о которых говорится в главе 7), а также оохонанпа, или ту-кеттлз (Два Котла). – *Прим. науч. ред.*

еще раньше вытесненными на север Великих равнин шайеннами и арапахо, успевшими образовать странный, но довольно прочный союз. Они не понимали наречий друг друга и объяснялись на замысловатом языке жестов, а по психологическому складу были едва ли не полной противоположностью. Если арапахо были миролюбивы и уживчивы, то шайенны отличались свирепостью и воинственностью. Первые встречи лакота с шайеннами и арапахо были далеки от дружеских, поскольку обе стороны соперничали за богатые дичью Блэк-Хилс (Черные холмы). «Заклучался мир, – вспоминал впоследствии вождь шайеннов. – Они протягивали нам трубку и говорили: “Будем добрыми друзьями”, а потом раз за разом вероломно нарушали свое слово». Так продолжалось до 1840-х гг., когда многие шайенны и арапахо, устав от двуличности лакота и польстившись на посулы белых торговцев, мигрировали на юг, где образовали племена южных шайеннов и южных арапахо. Лакота остались безраздельными хозяевами северных равнин.

У лакота и той части шайеннов – арапахо, которые остались на севере, нашлись общие враги – уступавшие им численностью, но готовые биться насмерть кроу, жившие в центральной части Монтаны и на севере Вайоминга, а также наполовину перешедшие к земледелию пауни²⁴, селившиеся по

²⁴ Пауни (от англ. Pawnee, произносится «понй») – полуседлое племя, в отличие от большинства коренного населения Великих равнин. Язык принадлежал к семье кэддо. Упоминаемые в книге арикара – их ближайшие родственники. Пауни проживали в стационарных деревнях из землянок и делились на подраз-

берегам реки Платт в Небраске. Причиной для вражды и соперничества было, с одной стороны, вечное стремление союза лакота, северных шайеннов и арапахо расширять свои охотничьи угодья, а с другой – общая для всех племен Великих равнин принадлежность к воинской культуре. Жившие далеко друг от друга кроу и пауни не могли объединиться в союз, но они отчаянно нуждались в друзьях – или хотя бы во врагах врагов, которые могли бы сойти за друзей. В конце концов оба племени предпочли связать судьбу с белыми²⁵.

Такая же чехарда творилась и на юге Великих равнин. Оттесненные лакота от Блэк-Хилс кайова²⁶ отступили на юг, в так называемую Команчерию, где они сражались с команчами, пока не заключили с ними союз. Бесспорные хозяева южных равнин и самые умелые наездники на всем Западе, команчи были народом яростным и беспощадным, беспрепятственно кочевавшим и совершавшим набеги от реки Арканзас вглубь Техаса. Время от времени они воевали с мексиканцами, однако с американцами уживались вполне мирно – пока белые переселенцы не начали покушаться на их охотни-

деления, или общины: скиди, или вулф (Волки), питахауирата, киткехахки и чауи. – *Прим. науч. ред.*

²⁵ Hassrick, *Sioux*, 3–7, 65–67; Berthrong, *Fighting Cheyennes*, 15–18; 39th Cong., *Condition of the Indian Tribes*, app., 12; Ewers, “Intertribal Warfare”, 397, 406; Richard White, “Winning of the West”, 336–37.

²⁶ Кайова говорили на изолированном языке, ничего общего не имевшем с языками соседей – команчей и др., близких им в культурном и политическом отношении. Отдаленные сородичи кайова проживали лишь среди земледельцев-пуэбло Юго-Запада (хемес, тейва и др.). – *Прим. науч. ред.*

чьей земли. Техасская республика обращалась с команчами еще хуже, чем мексиканское правительство в прежние времена, и вела против них жестокую предательскую политику, апофеозом которой стала расправа с мирной делегацией вождей. После этого команчи объявили техасцев своими злейшими врагами и нападения на поселенцев рассматривали как справедливую кару за убийство вождей и как возможность поразмяться.

Южные арапахо и южные шайенны, воспользовавшись близостью к Команчрии, устраивали набеги и угоняли принадлежавшие команчам и кайова табуны вплоть до 1840 г., когда эти четыре племени заключили мир, создав могучий союз, в перспективе способный противостоять нашествию белых²⁷.

Власти в Вашингтоне (за исключением откровенных тугодумов) понимали, что воцарившаяся на сухопутных маршрутах тишина, которой так радовался уполномоченный по делам индейцев в 1849 г., – явление временное. С катастрофической скоростью истребляя леса, пастбища и дичь, белые переселенцы ставили индейцев, обитавших там, где про-

²⁷ Gwynne, *Empire of the Summer Moon*, 32, 35, 45, 49, 57, 59; Berthrong, *Southern Cheyennes*, 17–26; Mayhall, *Kiowas*, 170–72.

легли маршруты миграции, на грань голодной смерти. Понимая, что у индейцев имеются лишь три варианта будущего: сражаться за свое благополучие, объединиться с белыми или погибнуть, правительство взяло на себя три обязательства: защитить и обезопасить пути миграции и растущие белые поселения, аннулировать право индейцев на обжитые ими земли и выработать гуманную политику обеспечения перемещенных индейцев средствами к существованию. В то, что власти действительно исполняют эти обязательства, верилось слабо. У малочисленной армии фронта едва хватало людей для защиты фортов, что уж говорить о прикрытии переселенцев, поэтому единственной действенной в ближайшее время стратегией оставались переговоры. Эту задачу возложили на Тома Фицпатрика, бывшего горного охотника, ставшего агентом Бюро по делам индейцев. У индейцев равнин Фицпатрик пользовался доверием, и ему, как никому другому, оказался по плечу титанический труд, называемый агентской службой. Индейским агентам – представителям правительства в одном или нескольких племенах – поручалось предотвращать конфликты между поселенцами и индейцами, при необходимости привлекать военных для поддержания мира, а также (без махинаций и задержек) выдавать индейцам положенное им по аннуитету.

В 1851 г. Фицпатрик собрал у Форт-Ларами 10 000 индейцев северных равнин на непревзойденный по масштабам совет. На нем вожди подписали соглашение, вошедшее в исто-

рию как Договор в Форт-Ларами. Его смысл, как почти всегда в таких случаях, индейцы поняли весьма смутно, если вообще поняли, но с радостью приняли дары для своих народов от Великого Отца. Два года спустя Фицпатрик организовал подписание аналогичного договора в Форт-Аткин-соне – с племенами южных равнин. Оба договора были образцово лаконичными и разночтений вроде бы не допускали. Индейцы обязались впредь воздерживаться от стычек друг с другом и с американцами, признать устанавливаемые границы племен, позволить правительству прокладывать дороги через свои территории и строить форты (все это и так уже прокладывалось и строилось) и не трогать пионеров, пересекающих территорию племени. За это правительство обещало оберегать земли индейцев от разорения белыми (в действительности не имея для этого ни возможностей, ни желания) и в течение пятидесяти лет выплачивать участникам соглашения аннуитеты (впоследствии Сенат сократит этот срок до десяти лет).

Фицпатрик выполнил порученную ему работу, однако о договорах отзывался неодобрительно, считая их лавированием и бессмысленной отсрочкой. «Нужно определиться – либо армия, либо ежегодные выплаты, – доказывал он, обнаруживая незаурядную дальновидность. – Либо мы их подкупаем, предлагая нечто более выгодное, чем добычу от набегов, либо должны приструнить их силой и помешать разбойничать. Любые полумеры чреваты неудачами и провалами».

Осуждал Фицпатрик и практику аннулирования права индейцев на землю – по той простой причине, как он сам объяснял, что этих прав у индейцев Великих равнин заведомо нет, а есть лишь «право бродяги», т. е. привилегия того, кто первым захватил территорию. Здесь большинство индейцев с ним согласились бы, никто из них и не думал прекращать набеги на врагов только потому, что так велело правительство. Признавать границы территорий они также не собирались. «Вы разделили мою землю, и мне это не нравится, – заявил вождь лакота. – Когда-то она принадлежала кайова и кроу, но мы выбили эти нации оттуда, и точно так же, как мы поступили с ними, поступают белые, когда хотят забрать себе землю индейцев»²⁸.

Вопреки всем этим соглашениям конфликты между армией и индейцами вспыхивали то и дело, пусть в основном и непреднамеренные. Порой достаточно было одного опрометчивого поступка кого-то из молодых и горячих индейских воинов или неосмотрительных младших офицеров. Именно это случилось в августе 1854 г. на северных равнинах. Лейтенант Джон Граттан, только что окончивший Вест-Пойнтскую военную академию и похвалявшийся, что разделается со всеми лакота скопом, если ему дадут десяток солдат и гаубицу, сцепился с миролюбиво настроенным вождем брюле Атакующим Медведем. Поводом была отбившаяся коро-

²⁸ Prucha, *American Indian Treaties*, 239; 33rd Cong., *Annual Report of the Office of Indian Affairs* (1853), 368–70; Utley, *Indian Frontier*, 61.

ва переселенцев, которую зарезал индейский воин. Атакующий Медведь предложил компенсацию за корову, но Граттан, вместо того чтобы принять ее и решить дело миром, принялся палить по индейскому лагерю. Когда рассеялся дым завязавшейся перестрелки, оказалось, что смертельно раненный Атакующий Медведь лежит на земле, истекая кровью, а Граттан и 29 его солдат убиты.

Сумасбродная выходка Граттана являла собой неприкрытую агрессию и, несомненно, могла спровоцировать объявление войны белым. Тем не менее индейцы продемонстрировали поразительную выдержку. Если не считать нападения отряда индейских воинов на почтовый дилижанс, трое пассажиров которого погибли, брюле по-прежнему беспрепятственно пропускали обозы переселенцев. Однако военное ведомство, не желая признать, что причиной столкновения послужило безрассудство офицера, решило отомстить за Резню Граттана, как стали называть это столкновение. Полковник Уильям Харни получил приказ сурово покарать индейцев. Этот приказ он исполнил два года спустя, в сентябре 1856-го, сровняв с землей лагерь брюле у Блюоотер-Крик на Территории Небраска, перебив половину воинов и взяв в плен почти всех женщин и детей. Посрамленные вожди брюле выдали участников нападения на дилижанс, в числе которых был и отважный военачальник Пятнистый Хвост. Просидев год под замком в Форт-Ливенуорте, Пятнистый Хвост был так впечатлен могуществом белых, что после выхода на

свободу выступал за мир с ними – или, по выражению некоторых лакота, вернулся из тюрьмы «разжиревшим слизнем». Может, Пятнистый Хвост и раздобыл слегка, но мягкотелым он точно не был, поскольку молниеносно завоевал в племени брюле беспрецедентную власть.

Целых десять лет над нацией лакота витал призрак Мясника Харни. На советах звучало много громких слов, но до дела не доходило – мучительная жажда отплатить белым ограничивалась мечтами. Между тем сам Харни сочувствовал индейцам. Нисколько не радуясь своей победе над брюле, он напомнил чинам в Вашингтоне, что «индейцы всего лишь отстаивали свои права»²⁹.

Продолжая сеять несправедливость под предлогом мести за Резню Граттана, правительство решило, что наказания заслуживают и шайенны, которые на переселенцев не покушались и делать это не собирались. В итоге отряд регулярной армии летом 1857 г. атаковал селение шайеннов на реке Солломон в пределах Территории Канзас. Число погибших индейских воинов было небольшим, но солдаты одержали психологическую победу, продемонстрировав, как писал шайеннский агент, всю тщетность сопротивления белым.

Для шайеннов это был не самый лучший момент, чтобы признавать поражение. Через год после сражения на реке Солломон белые изыскатели нашли на востоке нынешнего штата Колорадо золото, и буквально за одну ночь там вырос город

²⁹ Utley, *Frontiersmen in Blue*, 118–20; Hyde, *Spotted Tail's Folk*, 92–93.

Денвер. Старатели и фермеры толпами повалили на охотничьи угодья шайеннов и арапахо, заполонив почти всю обширную территорию, обещанную этим племенам Договором в Форт-Ларами, подписать который десятью годами ранее их склонил Том Фицпатрик. В феврале 1861 г. десять вождей шайеннов и арапахо, в том числе Черный Котел с Тошим Медведем, подписали Договор в Форт-Уайзе, по которому их племенам предстояло ютиться в крошечной резервации на засушливых равнинах юго-восточного Колорадо. Однако большинство шайеннов и арапахо, презрев данное их вождями слово, остались жить на своих охотничьих землях. Они вели себя тихо и ни на кого не нападали. Никто и представить не мог, какими трагедиями обернется вскоре это пассивное сопротивление.

Тем временем на юге все попытки укротить кайова и команчей заканчивались сокрушительным поражением. Эти племена не трогали обозы переселенцев, но продолжали совершать набеги на техасцев. Вхождение Техаса в состав Соединенных Штатов ничего не изменило. Когда выяснилось, что от регулярной армии защиты не дождешься, за дело взялись техасские рейнджеры и в трех схватках изрядно потрепали команчей. Разозленные индейцы не только с невиданной яростью кинулись разорять техасские и мексиканские приграничные территории – теперь они нападали и на фургоны переселенцев.

Военные почти ничего с этим поделать не могли. До Граж-

данской войны 1861 г. основная часть скудных сил регулярной армии направлялась на подавление не утихавших на протяжении трех лет кровопролитных индейских восстаний на тихоокеанском Северо-Западе. В 1858 г. завершилась последняя война, и индейцы подписали договоры, закрепляющие границы резерваций. В них загнали побежденные племена, а тремя годами позже им навязали Договор в Форт-Уайзе. Это были первые шаги по пути, который позже назовут политикой концентрации. Индейцев будут выселять с земель, которые приглянулись белым или которые те уже прибрали к рукам, и перемещать как можно дальше. Затем начнется благородный эксперимент по обращению индейцев в христиан-землепашцев. А поскольку большинство индейцев не интересовали блага, к которым их планировали приобщить белые, политика концентрации обычно оборачивалась войной³⁰.

Теперь белые вторгались на индейские земли со всех сторон и в непостижимых для индейцев количествах. Лавина переселенцев двигалась с востока, старатели ковырялись в земле на окраинах индейских территорий на западе, на севере и на юге. Обнаружив золото, участок просто захватывали. Индейцев, которые сопротивлялись натиску, надлежало, как выражались ковбои западных штатов, «сгуртовать» и обезвредить, загнав в резервации на плохих и потому непривлекательных для белых землях. На то, чтобы взять непокорных

³⁰ Berthrong, *Southern Cheyennes*, 10–12; Utley, *Indian Frontier*, 53–55.

индейцев в огромную петлю и, постепенно затягивая ее, задавить мятежный дух, уйдет три десятилетия.

В бурных 1850-х затишье наблюдалось только на Юго-Западе. Огромный регион, включающий не только нынешнюю Аризону и Нью-Мексико, но и северные области Мексики, назывался Апачерией – там преобладали индейцы апачи³¹. Это было не племя как таковое, а скорее конгломерат не связанных между собой общин, распадавшихся на две крупные части – восточную и западную³². Самые большие неприятно-

³¹ Апачи вместе с близким им народом навахо принадлежат к языковой группе южных атапасков (северные атапаски проживают в Канаде и на Аляске). Апачей принято делить на хикарийя (хикарилья), липан, мескалоро, равнинных апачей (так называемых кайова-апачей), чирикауа и западных апачей. О подразделениях последних двух подробно говорит автор в своем примечании (см. ниже). Можно только добавить, что упоминаемые в книге аравайпа (аривайпа) были общиной апачей Сан-Карлос, а тонто сильно перемешались со своими соседями – юмазычными явапаи. – *Прим. науч. ред.*

³² Классификация апачей в рамках этих двух больших объединений вызывает множество серьезных разногласий. Западные апачи занимали большую часть современной восточной Аризоны и, согласно более или менее единодушному мнению, состояли из групп Уайт-Маунтин, сибикью, Сан-Карлос, южных и северных тонто, каждая из которых содержала в себе еще и отдельные общины. Чирикауа этнологи, как правило, делят на три общины: центральные чирикауа, или чоконен, населявшие горы Чирикауа и Драгун-Маунтин на юго-востоке Аризоны; южные чирикауа, или неднхай, кочевавшие в северных пределах мексиканских штатов Сонора и Чиуауа и выбравшие своим оплотом хребет Сьерра-Мадре;

сти доставляли правительству две западные группы – западные апачи и чирикауа, не особенно друг друга жаловавшие.

К 1820-м гг., когда в Апачерию начали проникать американцы, западные апачи и чирикауа-апачи вот уже почти два столетия враждовали сначала с испанцами, затем с мексиканцами и их индейскими союзниками. Устраивая внезапные нападения на военные отряды, разоряя гасиенды и обкладывая данью поселки, апачи ощутимо отравляли жизнь обосновавшимся в Апачерии мексиканцам. Американцев апачи поначалу встретили тепло, как врагов своего врага, но, когда значительная часть Апачерии отошла Соединенным Штатам по Договору Гадсдена 1853 г., обязывающему Вашингтон предотвращать набеги апачей на Мексику, атмосфера стала накаляться. У апачей не укладывалось в голове, чего от них требуют: они-то с мексиканцами не мирились, с какой стати им прекращать набеги к югу от границы? Хватит и того, что они оставили в покое всех, кто живет к северу от нее.

А в 1860 г. золото обнаружили в гористых западных пределах Территории Нью-Мексико – в самом сердце земель чи-

и восточные чирикауа, или чихенне, занимавшие земли от границы между Аризоной и Нью-Мексико до реки Рио-Гранде. Кроме того, существовала четвертая община поменьше, бедонкохэ, признававшая своим предводителем Мангаса Колорадаса. После его смерти бедонкохэ были поглощены тремя более крупными общинами. Чихенне иногда подразделяют на могольон, обитавших у подножия одноименных гор, и мимбрес, называемых также апачами Уорм-Спрингс, или Охо-Кальенте. Западных апачей и чирикауа насчитывалось примерно 6000 человек. Cozzens, *Struggle for Apacheria*, xvi – xvii.

хенне (восточных чирикауа-апачей). Вождь чихенне Мангас Колорадас попытался договориться с белыми по-хорошему, но старатели отхлестали его кнутом, и тогда он объявил американцам войну. Еще несправедливее обошлись с вождем чоконен (центральных чирикауа) Кочисом, который благополучно уживался с поселенцами на пустынных землях юго-востока Аризоны. Это благополучие разрушил Джордж Бэском, еще один безрассудный лейтенант того же вест-пойнтского разлива, что и Граттан. В феврале 1861 г. он арестовал Кочиса и нескольких его воинов, ошибочно обвинив их в похищении мальчика с дальнего ранчо. Кочис сбежал из-под ареста и взял заложников. Спустя несколько дней бесплодных переговоров Кочис убил заложников, тогда Бэском повесил арестованных чирикауа, в их числе брата Кочиса. Дальше больше – и Аризону захлестнула волна кровавых расправ.

Весной 1861 г. регулярная армия вдруг ушла с фронта. Индейцы не знали, что и думать об этом внезапном отступлении. Чирикауа, решив, что разгромили правительственные войска, принялись бесчинствовать с удвоенным размахом, но индейцы Великих равнин замерли в нерешительности – и в результате упустили уникальную возможность замедлить нашествие белых.

Индейцы не воспользовались моментом, чтобы нанести удар, и вскоре на Великих равнинах появились новые солдаты – жители западных территорий, для которых убить ин-

дейца было все равно что подстрелить оленя. Это были люди особого склада – жестче и суровее солдат регулярной армии. 15 000 добровольцев, воевавших на Западе (из почти 3 млн человек, которых собрало федеральное правительство для подавления мятежей на Юге), вдвое превышали силу довоенных войск фронта. Большинство добровольцев прибыли из Калифорнии: почти полумиллионное население этого штата продолжало расти. Поток мигрантов не иссякал: хотя Гражданская война поглощала энергию и ресурсы всей страны, слухи о золоте Запада приводили на индейские земли все больше белых переселенцев.

Несмотря на необходимость пополнять армию, правительство Линкольна поощряло движение американцев на Запад. В 1862 г. Конгресс принял Закон о гомстедах, по которому начиная с 1 января 1863 г. любой гражданин США или тот, кто выразил желание стать им (включая освобожденных рабов или женщин, являющихся главами семьи), мог получить в собственность 160 акров (около 65 га) государственной земли к западу от реки Миссисипи при условии, что претендент прожил на этом участке пять лет без перерывов, обрабатывая и улучшая его, и никогда не воевал против Соединенных Штатов. По переселенческим дорогам и тропам, и без того разбухшим от потока охотников за богатством, двинулись фургоны семей, мечтающих о своей ферме в прерии. Наплыв белых на индейские земли еще больше усилился.

Резкий прирост населения привел в 1861–1864 гг. к об-

разованию шести Территорий: Невада, Айдахо, Аризона, Монтана, Дакота и Колорадо (последняя разрасталась быстрее остальных). Появилась прямая дорога на Денвер – тропа Смоки-Хилл, которая проходила по лучшим охотничьим угодьям индейцев. Вскоре их земли были вдоль и поперек расчерчены маршрутами почтовых дилижансов и телеграфными линиями, а Небраска и Канзас продвигали свои границы все дальше вглубь равнин. Гнев на белых захватчиков накапливался, но племена южных равнин не брались за оружие, хотя их мир неумолимо сжимался.

Несмотря на затишье на южных равнинах, в других регионах крови проливалось достаточно, чтобы два генерала добровольческих войск – Джеймс Карлтон и Патрик Коннор – успели стяжать славу на охваченном Гражданской войной Западе. В июле 1862 г. часть «Калифорнийской колонны» Карлтона выбила несколько сотен чирикауа под предводительством Кочиса и Мангаса Колорадаса с перевала Апачей – стратегически важного узкого ущелья в самом сердце земель чоконен. В столкновении был ранен Мангас Колорадас, а полгода спустя один из подчиненных Карлтона заманил вождя в лагерь для проведения переговоров и убил. Однако этот двойной удар не сокрушил чирикауа. Наоборот, когда солдаты ушли, Кочис принялся с новым рвением опустошать юго-восток Аризоны.

Тем временем Карлтон, продвигаясь на восток, разгромил маленькое племя мескалери-апачей в пределах Территории

Нью-Мексико. Затем, применив тактику выжженной земли, при поддержке своего давнего друга, легенды фронта Кита Карсона, одержал верх над могущественной нацией навахо, которая давно вела войну с жителями Нью-Мексико. Пока Джеймс Карлтон сражался на юго-западе, генерал Коннор «расчистил» дороги между Калифорнией и Ютой, а затем уничтожил общину шошонов-ренегатов, воевавших с золотоискателями в Скалистых горах³³.

В отличие от истекавшего кровью Юго-Запада и грохочущих выстрелами Скалистых гор, в северной части Великих равнин жили относительно безмятежно, пока в 1863 г. там не разгорелась беспрецедентных масштабов война. Все началось с кровавого восстания дакота, чья обширная резервация в Миннесоте сократилась до полоски земли вдоль реки Миннесоты, в то время как белое население штата резко выросло. Вероломные торговцы спаивали дакота и выманивали у них получаемые по аннуитету деньги, миссионеры донимали индейцев проповедями. Фермеры, обосновавшиеся по соседству, процветали, а резервацию преследовали голод и безысходность. 17 августа 1862 г. молодые воины, возвраща-

³³ Cremony, *Life Among the Apaches*, 172–73; Sweeney, *Cochise*, 142–45; Uteley, *Frontiersmen in Blue*, 239–47.

ясь с неудачной охоты, убили шестерых поселенцев. Умысла здесь не было, но и сдержать накопленную за десять лет ярость уже не получалось. Понимая, что правительство этого так не оставит, вожди предпочли вступить в бой, и отряды дакота успели перебить сотни поселенцев, прежде чем войска северян вытеснили их на равнины к их сородичам накота. В сражениях 1863 и 1864 гг. армия разбила и обессилила дакота и накота. За вычетом горстки бежавших в Канаду или примкнувших к лакота, они покорились требованию жить в резервации.

Круги от волнений в Миннесоте разошлись по относительно тихим южным равнинам. Поселенцы Колорадо, которые и без того чувствовали себя неудобно в соседстве с южными шайеннами и арапахо, пришли в ужас. Любой проступок индейцев (на самом деле преступления были редки и сводились к угонам коней или скота) воспринимался как начало такого же восстания, как в Миннесоте. Поэтому многие жители Колорадо считали необходимым нанести по племенам упреждающий удар, на это был настроен и командующий военным округом полковник Джон Чивингтон. Проводимая им политика упреждающей войны и стоила жизни Тошему Медведю. Когда Тоший Медведь погиб под пулями белых, Черному Котлу удалось удержать воинов, готовых стереть в порошок крошечный отряд, сотворивший это злодеяние. Однако ни он, ни остальные вожди не могли бесконечно предотвращать нападения жаждущих мести индейцев на

фургоны переселенцев и уединенные ранчо в южной Небраске и западном Канзасе. Угоном скота дело уже не ограничивалось, набеги превращались в лютой и кровавой разбой с насилием и зверскими убийствами. И хотя летом 1864 г. в основном это было делом рук Воинов-Псов – непримиримой общины шайеннов³⁴, в ряде нашумевших расправ были повинны молодые воины Черного Котла.

В августе губернатор Эванс и полковник Чивингтон набрали временный полк – 3-й Колорадский кавалерийский – из всякого отребья, громил и головорезов, рвущихся истреблять индейцев. Не дожидаясь, пока они возьмутся за дело, Черный Котел запросил мира. Ранее Эванс предлагал миролюбиво настроенным индейцам отмежеваться от враждебных, именно это и попытался сделать Черный Котел, но публика требовала возмездия. Эванс спихнул решение на Чивингтона, стремившегося использовать колорадских кавалеристов в боевых действиях, пока не истек срок их службы. На рассвете 29 ноября Чивингтон обрушился на не ожидавший нападения лагерь Черного Котла у Сэнд-Крик. Увидев развертывающийся для атаки отряд Чивингтона, Черный Котел сначала поднял американский флаг, затем белый над своим вигвамом. Но Чивингтона не интересовало ни перемирие, ни демонстрация патриотизма. Он не собирался брать плен-

³⁴ В действительности Воины-Псы (англ. Dog-Soldiers) представляли собой не простое подразделение шайеннов, а одно из их шести прославленных военных (мужских) обществ. – *Прим. науч. ред.*

ных – и не взял. Двести шайеннов, две трети которых составляли женщины и дети, были убиты практически так же, как убивали индейцы во время миннесотских волнений. «Их скальпировали, вышибали мозги, – свидетельствовал позже армейский переводчик. – [Колорадцы] ножами вспарывали животы женщинам, забивали прикладами маленьких детей, проламывали им головы и глумились над телами убитых». Черному Котлу с женой, несмотря на девять полученных ран, удалось каким-то чудом спастись. Желая лишь одного – вырваться из порочного круга атак и ответных ударов, он увел уцелевших соплеменников на юг от реки Арканзас. Тем временем полковника Чивингтона и его «Кровавый Третий» полк чествовали в Денвере как героев³⁵.

Когда заснеженные южные равнины опалило огнем гнева индейцев, возмущенных Резней на Сэнд-Крик, вожди южных шайеннов, арапахо и лакота пообещали «до самой смерти не опускать топор войны». Однако эти зловещие и грозные слова подразумевали не борьбу до последней капли крови, а большой набег, после которого племена возвратились к

³⁵ Hoig, *Sand Creek Massacre*, 74–90; Grinnell, *Fighting Cheyennes*, 145–62, 151–59; 39th Cong., *Condition of the Indian Tribes*, app., 81. Полковник Чивингтон и 3-й Колорадский кавалерийский полк уволились с военной службы прежде, чем армия успела выдвинуть против них обвинения. Но политическую карьеру Чивингтона Резня на Сэнд-Крик перечеркнула. Жители Колорадо к нему охладели, а комиссия Конгресса, расследовавшая обстоятельства резни, выяснила, что Чивингтон «целенаправленно и сознательно устроил гнусную и подлую бойню, недостойную даже самых диких дикарей из числа тех, что пали жертвами его бесчеловечности». Utley, *Frontiersmen in Blue*, 297.

привычным занятиям – бизоньей охоте и стычкам с вражескими племенами. В январе – феврале 1865 г. индейские воины разорили дорогу вдоль реки Платт и повергли в панику Денвер. Затем союз племен повернул на север, в Блэк-Хилс, чтобы избежать карательных мер со стороны армии и поведать о своих подвигах северным сородичам, которые, в свою очередь, развязали «войну» с белыми. Три тысячи воинов собрались в крупнейший отряд, когда-либо появлявшийся на Великих равнинах, и напали на станцию Платт-Бридж – объект стратегический, но из-за малочисленности гарнизона плохо защищенный. Нападавшие перебили кавалеристов и устроили засаду на обоз переселенцев. После этого индейцы решили, что солдаты достаточно наказаны, и разъехались, чтобы осенью охотиться на бизонов.

Однако с точки зрения армии конфликт только начинался. В феврале армейское ведомство создало обширное территориальное формирование – Миссурийский военный округ, включающий Великие равнины, Техас и Скалистые горы. Штаб округа располагался в Сент-Луисе, Миссури, командиром был назначен генерал-майор Джон Поуп. При всей своей любви к громким выпендренным речам он был опытным офицером и запланировал наступление на начало весны 1865 г., когда лошади индейцев еще не успеют восстановить силы после суровой зимы на равнинах, а их хозяева не возобновят набеги на маршруты переселенцев. Выступить планировалось тремя колоннами, которые ударят по

непокорным равнинным племенам одновременно. Поуп рассчитывал на то, что его войска пополнятся ветеранами Гражданской войны, которых отправят на Запад, а предоставленные ему полномочия позволят расправляться с враждебными племенами по его усмотрению.

Отличный план, но осуществиться ему было не суждено. По окончании Гражданской войны в апреле 1865 г. добровольцы-северяне мыслями были уже дома и, едва прибыв на Запад, дезертировали. Второй краеугольный камень плана Поупа – поддержка гражданских властей – рассыпался в прах еще до начала кампании. После Резни у Сэнд-Крик у правительства попросту не хватало духа воевать дальше. Поэтому Конгресс уполномочил губернатора Территории Дакота Ньютона Эдмундса подготовить новые переговоры с лакота и назначил комиссию для заключения устойчивого мира на южных равнинах. Военное ведомство также пребывало в нерешительности. В итоге до поля брани добралась лишь одна из трех сформированных Поупом колонн. В августе 1865 г. экспедиция под командованием генерала Коннора двинулась маршем на Блэк-Хилс, но операция потерпела фиаско. Солдаты дезертировали пачками, а две колонны Коннора в двух бестолковых схватках с лакота и шайеннами едва не были уничтожены полностью. На этом попытки военных установить мир силой закончились. До поры до времени³⁶.

³⁶ Cozzens, *General John Pope*, 252–67; 39th Cong., *Suppression of Indian Hostilities*,

По отношению к индейцам Великих равнин политика правительства редко бывала последовательной или хотя бы логичной. Не стала исключением и осень 1865 г., когда губернатор Эдмундс пригласил на мирные переговоры тех самых индейцев, которые в это время сражались с Коннором. То, что никто из них не явился, Эдмундса не смущало. Он хотел убедить потенциальных поселенцев в безопасности Территории Дакота, и в октябре, собрав подписи нескольких прикормленных вождей из «разложившихся» общин, «ошибающихся вокруг фортов», губернатор провозгласил мир на северных равнинах. Уполномоченный по делам индейцев в силу известных только ему причин подыграл Эдмундсу в этом спектакле.

Гораздо больше похожее на подлинный мирный договор соглашение с южными племенами было заключено в октябре 1865 г. на большом совете на реке Литтл-Арканзас. Открестившись от «огромных ошибок» Чивингтона, члены мирной комиссии убедили индейцев, что это в их интересах – согласиться на жизнь в резервации, включающей значительную часть юго-западного Канзаса, почти весь Техасский выступ и значительный кусок Индейской территории. Это был

очередной шаг к концентрации индейцев и затягиванию пет-ли.

Все щедрые обещания оказались пустыми словами. Техас не собирался отдавать ни пяди своего выступа, а Канзас не разрешил устраивать на своих землях резервацию. Единственный участок, которым могло распоряжаться федеральное правительство, находился на Индейской территории. Договор на реке Литтл-Арканзас, как съязвил генерал Поуп, не стоил потраченной на него бумаги³⁷.

Но это была уже не его забота. В конце июня 1865 г. Поуп сдал командование Миссурийским военным округом генерал-майору Уильяму Шерману. Герой-полководец, уступавший в военном пантеоне северян лишь Улиссу Гранту, Шерман сочетал верность служебному долгу с глубочайшей любовью к Западу, которому, как он признавался в письме к другу, «всегда принадлежало [его] сердце». Неожиданное заявление для человека, которого Запад в свое время едва не свел в могилу. До Гражданской войны Шерман управлял банком в Сан-Франциско и доработался до тревожности и астмы, развившихся у него в тамошнем суровом деловом климате. Однако его вест-пойнтскую подготовку на Западе оценили – во время бунта 1856 г. он был избран генерал-майором калифорнийского ополчения. Когда девять лет спустя сорокапятилетний Шерман принял командование

³⁷ 39th Cong., *Annual Report of the Commissioner of Indian Affairs*, 701–2, 704; Prucha, *American Indian Treaties*, 271.

Миссурийским военным округом, он своими морщинами, седой щетиной на подбородке и вечно взъерошенными коротко остриженными волосами больше напоминал пожилого старателя, чем бравого генерала в расцвете сил.

К индейцам Шерман относился неоднозначно. С одной стороны, он испытывал жалость к «бедолагам, которые пытаются избежать неизбежного» и злость на «белых охотников за золотом, которые убивают индейцев, словно медведей, невзирая ни на какие соглашения». С другой же стороны, он порицал «леность» индейцев и считал, что с ними нужно обращаться как с непослушными детьми, требующими твердой руки. Если же твердая рука не поможет, придется развязывать всеобщую войну, исход которой даже представлять себе не хочется. Выступая перед выпускниками Вест-Пойнта, Шерман мог посоветовать им только одно: способствовать тому, чтобы «неизбежное» свершалось как можно гуманнее³⁸.

Неизбежное неизбежным, однако в 1866 г. Шерман едва ли мог позволить себе вести войну. Добровольцы покидали ряды армии Союза³⁹ быстрее, чем регулярным армейским частям удавалось заново закрепиться на фронтире. Конгресс

³⁸ Шерман – Бенджамину Грайерсону, 16 августа 1865 г., в Marszalek, *Sherman*, 378; Шерман – Джону Ролинсу, 31 августа 1866 г., в 39th Cong., *Protection Across the Continent*, 10–11; *Addresses to the Graduating Class*, 36–37.

³⁹ Союз (Union, он же Федерация, Север) – федерация 24 штатов, противостоявших в Гражданской войне 1861–1865 гг. Конфедеративным штатам Америки (Конфедерации, Юг). – *Прим. ред.*

намеревался комплектовать регулярную армию по минимуму, поэтому Шерман обнаружил, что под началом у него будет менее 12 000 человек личного состава, а этого едва ли хватит, чтобы патрулировать переселенческие маршруты. Прежде чем уйти в отставку, генерал Поуп обязал гражданских передвигаться только по этим основным дорогам и только в составе больших обозов, способных держать оборону. Добиться строгого исполнения этих правил было трудно, но саму инициативу на Западе горячо одобрили, и Шерман продлил ее действие.

Таким образом, в 1866 г. армии фронта отводилась двойная роль: она должна была контролировать и охранять хлынувший на Запад поток переселенцев. Страна, вынырнув из омута братоубийственной войны, бурлила энергией. За полтора месяца через Небраску на запад проехало 6000 фургонов. Переселенцы опустошали окрестности дорог словно саранча, не оставляя даже ветки, чтобы развести костер. Сухие бизоньи лепешки, и те были на вес золота. На дороге вдоль реки Платт телеграфные столбы попадались чаще, чем деревья. Отдаленные ранчо представляли собой легкую добычу для индейцев (или, как заметил один офицер, для белых мародеров, рядившихся под индейцев). Однако губернатор Канзаса, невзирая на все риски, организовал и оплачивал из бюджета штата Переселенческое общество, привлекая переселенцев в западный Канзас. Благодаря Закону о гомстедах недостатка в желающих не было. За десять лет после

Гражданской войны население Канзаса и Небраски утроилось.

Все надежды добиться устойчивого мира Шерман возлагал не на армию, а на трансконтинентальную железную дорогу, которая тогда строилась. Стремительное продвижение железной дороги «Юнион Пасифик» на запад поражало его. К концу 1866 г. рельсы дотянулись до северного берега реки Платт напротив Форт-Керни (тем временем дорога «Сентрал Пасифик», находившаяся за пределами ответственности Шермана, медленно пробивалась на восток, ввинчиваясь в хребты Сьерра-Невады). Шерман намеревался «оборонять и поддерживать» дорогу «Юнион Пасифик» всеми силами, однако для этого требовалось гораздо больше войск, чем имелось в его распоряжении. В августе он сказал Гранту: «Покарать индейцев в этом году мы не в состоянии, поскольку наши войска едва удерживают те длинные узкие дороги, по которым изо дня в день проезжают дилижансы и мелкие группы переселенцев... Все, что мне нужно, – это мало-мальски спокойный год, тогда к следующему году мы успеем набрать, экипировать и обеспечить лошадьми новую кавалерию и будем готовы нагрянуть к индейцам в гости...»⁴⁰

Но из-за двуличия властей по отношению к индейцам и

⁴⁰ Athearn, *Sherman and the Settlement of the West*, 29, 37; Шерман – Ролинсу, 17 и 31 августа 1866 г., в 40th Cong., *Protection Across the Continent*, 1–4, 6, 10; 39th Cong., *Military Posts*, 3; Crawford, *Kansas in the Sixties*, 226–27.

нежелания предводителя оглала по имени Красное Облако
мириться с таким отношением Шерману оставалось только
мечтать о покое.

Глава 2

«Война красного облака»

Красное Облако всей душой ненавидел спиртное – «воду, которая лишает человека рассудка». Спиртное погубило его отца – за тридцать лет до того, как лейтенант Граттан дал свой необдуманый залп и разгорелась война с лакота. С четырех лет живя без отца, навлекшего своей бесславной смертью позор на весь род, в 1825 г. Красное Облако перебрался на реку Платт, к родне по линии матери – северным оглала. Их вождем был его дядя – миролюбивый Старый Дым. Подвергнутый вначале остракизму, Красное Облако компенсировал свое сомнительное происхождение блестящими боевыми навыками.

Благодаря своей отваге и харизме Красное Облако еще в молодости обрел заметное влияние и множество сторонников, но вспыльчивость и склонность к жестоким действиям стоила ему уважения многих лакота. Некоторые считали его убийцей, поскольку он застрелил в потасовке соперника своего вождя. После кончины Старого Дыма ок. 1850 г. преемником номинально стал его сын, но к тому времени Красное Облако уже прочно утвердился в роли военачальника и в решающие моменты де-факто брал на себя обязанности во-

ждя⁴¹.

В 1861–1862 гг. лакота северные оглала и миниконджу в союзе с шайеннами и арапахо вступили в решающую изнурительную войну с кроу за контроль над землями у реки Паудер. По условиям Договора в Форт-Ларамии эти земли принадлежали кроу, но полоса шириной 240 км между хребтом Бигхорн и Блэк-Хилс представляла собой богатые охотничьи угодья, и союзники хотели ею завладеть. Удалось им это в основном благодаря Красному Облаку, и к сорока трем годам он поднялся на вторую ступень становления великого воина – стал стратегом. Красное Облако задавал направление действий и организовывал крупные военные вылазки, но руководить ими поручал достойным молодым соплеменникам, в том числе сдержанному и немногословному двадцатидвухлетнему воину-оглала по имени Бешеный Конь.

Победив кроу, племена-союзники решили, что наконец смогут устроиться подальше от жадных рук белых, но в 1862 г. на юго-западе Территории Монтана было обнаружено золото. Год спустя искавший счастья на фронтире предприниматель Джон Бозмен проторил к приискам тропу вдоль восточного подножия Бигхорна, прямо через охотничьи угодья, недавно отвоеванные союзом племен. Белые пришельцы так основательно проредили бизоньи и антилопьи стада, что зимой 1865–1866 гг. северные оглала едва не вымерли от голода.

⁴¹ Larson, *Red Cloud*, 34–73; Paul, *Autobiography of Red Cloud*, 68–69.

В преддверии весны 1866 г. правительство волновал принципиально важный вопрос: восстанут ли индейцы против Бозменского тракта⁴²? Большинство, включая и генерала Шермана, рассчитывало, что после голодной зимы индейцы присмирят, но, чтобы наверняка удержать их в узде, Шерман приказал построить на Бозменском тракте два укрепления – Форт-Фил-Керни и Форт-Смит. Было решено, что форты будут находиться в ведении Департамента Платт, который возглавлял бригадный генерал Филипп Сент-Джордж Кук, к тому моменту изрядно сдавший и во время Гражданской войны отошедший от участия в боевых действиях⁴³.

Пока Шерман готовился занять Бозменский тракт, Бюро по делам индейцев в начале июня 1866 г. созвало мирный совет в Форт-Ларами, чтобы выторговать для белых разрешение беспрепятственно передвигаться по Тракту. На совете присутствовали все главные вожди северных оглала и миниконджу, но громче всех высказывался Красное Облако. Противостоял ему Эдвард Тейлор – представитель Бюро, считавший обман главным инструментом переговоров. Тейлор пообещал Красному Облаку, что мигрантам запретят разорять окрестности Тракта. По свидетельству одного из подчиненных, обещание было заведомо невыполнимым и «рассчитанным на то, чтобы облапошить индейцев». Кроме того, Тей-

⁴² В литературе на русском языке также встречается название «Бозманский». – *Прим. ред.*

⁴³ 40th Cong., *Indian Hostilities*, 62; Olson, *Red Cloud and the Sioux Problem*, 32–33.

лор заверил вождей, что Великий Отец не будет возводить заставы на Бозменском тракте.

Обман раскрылся 13 июня, когда в Форт-Ларами вступил 2-й батальон 18-го пехотного полка под командованием полковника Генри Каррингтона. Батальон направлялся на Бозменский тракт для строительства двух фортов и несения гарнизонной службы. Увидев солдат, Красное Облако вышел из себя, проклял комиссию по мирным переговорам за то, что те «обращаются с вождями как с детьми» и делают вид, будто собираются договариваться о каких-то правах на землю, которую в действительности намерены завоевать. Обвинив правительство в вероломстве, он поклялся изгнать войска. «Великий Отец шлет нам подарки и хочет, чтобы мы продали ему дорогу, – кипятился Красное Облако, – но Белый Вождь приводит солдат и крадет дорогу, не дожидаясь, пока индейцы ответят “да” или “нет”». Вместе со своими сторонниками Красное Облако вернулся на север, чтобы помешать солдатам отобрать землю, которую оглала сами совсем недавно отобрали у кроу. Тем временем Тейлор заручился согласием нескольких прикормленных вождей, не претендовавших на эти земли, и телеграфировал в Вашингтон об установлении прочного мира. До конца 1866 г. он будет втирать очки Министерству внутренних дел⁴⁴, пичкая чиновни-

⁴⁴ Министерство внутренних дел США (United States Department of the Interior) – департамент федерального правительства по управлению природными ресурсами, землями и делами коренных жителей. С 1849 г. включает в себя Бюро по делам индейцев. – *Прим. ред.*

ков ложными сведениями и тем самым мешая оценить опасность обстановки, складывающейся на Бозменском тракте⁴⁵.

Полковник Генри Каррингтон отлично сражался за письменным столом. Своим званием он был обязан политическим связям и всю Гражданскую войну отсиживался в штабе. Его облик и манеры не внушали доверия к нему как к полководцу: при невеликом росте (165 см) он поглядывал на окружающих свысока и легко мог назвать неучем своего лейтенанта, у которого за плечами были только государственные учебные заведения. Но если в вашингтонских салонах начитанность и полученный в Йельском университете диплом юриста сослужили Каррингтону хорошую службу, то в глазах отданных под его командование ветеранов сражений они не стоили ничего. Однако Шермана это не волновало, и он приглашал офицерских жен присоединиться к «Передвижному цирку Каррингтона». В начале июля процессия из семисот военных, трехсот женщин, детей и вольнонаемных на 226 запряженных мулами фургонах двинулась к отрогам Бигхорн, везя с собой все что угодно, кроме боеприпасов, необходимых для продолжительных боевых действий⁴⁶.

15 июля Каррингтон выбрал место для строительства

⁴⁵ McDermott, *Red Cloud's War*, 1:53; Olson, *Red Cloud and the Sioux Problem*, 34–39; Frances C. Carrington, *My Army Life*, 291–92.

⁴⁶ Margaret I. Carrington, *Absaraka*, 39–40, 90; McDermott, *Red Cloud's War*, 1:48, 69, 72.

Форт-Фил-Керни – травянистую долину к югу от пересечения Бозменского тракта с рекой Биг-Пайни. Казалось, что отсюда рукой подать до заснеженных вершин синеющей на горизонте гряды Бигхорн. Стратегически место было выбрано разумно – в самом сердце охотничьих земель северных оглала. С тактической же точки зрения оно оставляло желать лучшего. С трех сторон к долине подступали горы. В 3 км к северу от долины Бозменский тракт проходил за длинным кряжем Лодж-Трейл-Ридж. С запада хребет, который полковник Каррингтон назвал девичьей фамилией своей жены – Салливант, скрывал из вида растущую в 9 км от будущего форта сосновую рощу, из которой предполагалось привезти стволы для частокола. Уже одного этого должно было бы хватить, чтобы начать подыскивать другое место, но Каррингтон и помыслить не мог, что в «неописуемо прекрасных и непередаваемо живописных» лесах и горах могут рыскать полчища враждебных индейцев. Однако они там были. 16 июля делегация мирных шайеннских вождей предупредила Каррингтона, что на него идут тысячи индейцев под предводительством Красного Облака. Каррингтон то ли не поверил вождям, то ли просто был слишком самонадеян, но он отказался от помощи сотни воинов-шайеннов, заявив, что обойдется своими силами.

На следующее утро Красное Облако напал на Бозменский тракт, и тот в мгновение ока – со скоростью летящей стрелы – превратился в призрачную тропу, на которой не оста-

лось ни одного белого путника. Теперь ничто не мешало индейцам сосредоточить внимание на недостроенном форте, и в живописном пейзаже стали появляться зловещие штрихи. Весь день воины наблюдали с высоты Лодж-Трейл-Ридж за солдатами. С наступлением темноты в пугающей близости к форту запылали огни лагерных костров. Отряды индейцев вырастали словно из-под земли, скатывались со склонов Салливант-Хиллс и окружали лесозаготовительные обозы, вынуждая войска держаться в постоянной боевой готовности. Солдата, отделившегося от своих, можно было сразу считать погибшим. Неопытность Каррингтона, о которой еще недавно не вспоминали, сейчас парализовала действия его солдат. У Каррингтона не было кавалерии, большинство рядовых составляли необстрелянные новички, вооруженные устаревшими нарезными дульнозарядными спрингфилдскими мушкетами. Мало кто мог попасть из них в цель, поскольку стрельб Каррингтон не проводил: он считал, что достроить Форт-Фил-Керни до зимы – задача куда более важная, чем подготовка солдат. К тому же он отвечал еще и за постройку Форт-Смита и потому 9 августа отправил через редкие индейские кордоны две роты под командованием капитана Натаниэля Кинни – возводить в 150 км к северу по Бозменскому тракту второе укрепление. Солдаты, прибыв на место, принялись за работу, а капитан Кинни ушел в затяжной запой, приказав оставлять трупы убитых за воротами будущего форта на съедение волкам.

Более всего Каррингтона подводили не необученность солдат и пьянство подчиненных, а неведение, в котором пребывало его командование. Генерал Кук, поверивший лживым заверениям Тейлора в доброжелательном настрое индейцев, проигнорировал просьбы Каррингтона прислать людей и боеприпасы. Своему начальству об опасениях полковника он также не доложил, и в конце августа, когда воины уже стекались со всех сторон под начало Красного Облака, ни о чем не догадывающийся Шерман заверил генерала Гранта, что на Бозменском тракте все спокойно. Между тем звездный час Красного Облака приближался: выступавшие за войну группы северных шайеннов и арапахо примкнули к нему в полном составе, а миниконджу, санс-арк и ханкпапа прислали большие отряды. На его сторону перешли даже несколько кроу. К 1 сентября 1866 г. в лагере Красного Облака в долине реки Тонг (Язык) собралось не менее полутора тысяч воинов. Отпущенное Каррингтону время истекло⁴⁷.

Наконец 31 октября Каррингтон достроил Форт-Фил-Керни. Если боевые и командирские качества полковника по-

⁴⁷ Murphy, "Forgotten Battalion", 4:65–67; Margaret I. Carrington, *Absaraka*, 101–110; McDermott, *Red Cloud's War*, 1:47, 88, 99–100, 116–17, 136–38, 184; 50th Cong., *Indian Operations*, 10; Bridger, "Indian Affairs"; 40th Cong., *Indian Hostilities*, 63; Powell, *People of the Sacred Mountain*, 1:443.

ка оставались под вопросом, то инженером он был отличным. Он сотворил настоящее фортификационное чудо, обнесенное по 1200-метровому периметру 2,5-метровым частоколом из сосновых бревен, с орудийными площадками, амбразурами для ружей и двумя блокгаузами. Однако прибывшему инспектору это великолепие не понравилось, система обороны показалась чрезмерной, и он отчитал Каррингтона, заявив, что тому «лишь бы себе крепость выстроить».

Генералу Куку хотелось, чтобы Каррингтон проявил наконец боевую инициативу, и он побуждал полковника с наступлением зимы напасть на Красное Облако. Каррингтон сопротивлялся. Он слал Куку письмо за письмом, подробно излагая, с какими трудностями сталкивается. Имеющихся у него под началом 308 офицеров и солдат едва хватает, чтобы охранять обозы с древесиной и сеном для форта и сопровождать военные фургоны на Бозменском тракте. Боевой дух ниже некуда, с обмундированием беда. Говорить о наступлении бессмысленно. Еще больше усложняли положение Каррингтона недовольные младшие офицеры, жаждавшие боя, – к примеру, капитан Уильям Джадд Феттерман жаловался, что его «угораздило попасть к бездарному командиру». Также Феттерман якобы похвалялся, что с хорошим командиром (имея в виду себя) «рота солдат одолеет тысячу индейцев, а полк – хоть все скопище враждебных племен»⁴⁸.

⁴⁸ Murray, “Hazen Inspections”, 28; 39th Cong., *Fort Phil Kearney [sic] Massacre*,

Устав от давления командующего и колкостей подчиненных, в начале декабря Каррингтон поклялся нанести ответный удар при первом же нападении индейцев на ежедневный обоз с лесом. Он наконец получил подкрепление – пятьдесят с трудом державшихся в седле кавалеристов-новобранцев – и решил устроить им и их командиру лейтенанту Горацио Бингхэму проверку боем. Каррингтон не подозревал, что индейцы тоже готовят ему сюрприз. Они намеревались с помощью отвлекающих маневров заманить солдат из форта в засаду позади Лодж-Трейл-Ридж. Каррингтону и его офицерам эта испытанная временем тактика индейцев была незнакома. На рассвете 6 декабря сотня воинов, вероятно, под предводительством молодого Бешеного Коня (окончательно это не установлено) рассредоточилась вдоль дороги, проходящей через сосновый бор. Красное Облако занял позицию на вершине хребта, чтобы оттуда с помощью флажков и зеркал руководить отвлекающими маневрами.

Обоз лесорубов отправился из форта по расписанию. Дав фургонам отъехать на 5 км, индейцы начали заманивать охрану обоза в ловушку. Каррингтон в ответ попытался зажать их в клещи, но прием не сработал, поскольку лейтенант Бингхэм, нарушив приказ, погнался за индейцами и угодил в засаду. Большинству кавалеристов удалось вырваться, сам

8; Murphy, “Forgotten Battalion”, 4:73; Феттерман – Чарльзу Терри, 26 ноября 1866 г., Graff Collection, Newberry Library; Margaret I. Carrington, *Absaraka*, 198; Frances C. Carrington, *My Army Life*, 119.

же Бингхэм в панике отбросил пистолет и стал ждать конца. Его труп, раздетый и пригвожденный к стволу дерева пятьюдесятью стрелами, позже обнаружили солдаты высланного поискового отряда. Капитан Феттерман ворчал, что «бита псу под хвост, Каррингтон не в состоянии дать приличный бой». Возможно, Каррингтон с этим согласился – как бы то ни было, атак он больше не устраивал. Зато принялся как одержимый муштровывать солдат⁴⁹.

Две недели спустя индейцы атаковали форт, однако набег возглавлял не Красное Облако, а миниконджу, жаждавшие поквитаться с белыми за своего недавно скончавшегося вождя. Много лет назад пьяные солдаты разорили и осквернили испражнениями его палатку, и перед смертью вождь завещал отомстить белым захватчикам за оскорбление.

Поскольку 6 декабря тактика заманивания и засады сработала довольно успешно, миниконджу решили воспользоваться ею и в этот раз. Небольшая группа воинов нападет на лесозаготовительный обоз, а когда кавалерия кинется его отбивать, атакующие якобы обратятся в бегство. Всадники, будто бы отставая от своих, увлекут солдат по Лодж-Трейл-Ридж на другую гряду, по которой Бозменский тракт уходила на север, к реке Пино-Крик. Там основные силы индейцев

⁴⁹ McDermott, *Red Cloud's War*, 1:184–97; Monnett, *Where a Hundred Soldiers Were Killed*, 118.

и захлопнут ловушку⁵⁰.

Рассвет 21 декабря выдался холодным и пасмурным. Земля еще оставалась черной, но в воздухе уже отчетливо пахло снегом. Шайенны, арапахо и оглала под руководством Красного Облака затаились в поросшей редким лесом лощине к западу от гряды, по которой тянулся Бозменский тракт. Миниконджу заняли позиции в голом ущелье к востоку от тропы. В десять утра из Форт-Фил-Керни выдвинулся обоз. Час спустя он был атакован⁵¹.

В 11 часов утра капитан Феттерман вывел из форта 49 пехотинцев. Перед ними тут же появились индейские «подсадные утки», и у солдат закипела кровь. Один из воинов прокричал по-английски: «Идите сюда, ублюдки, будем драться!» По направлению к нему вместе с солдатами поскакали двое хорошо вооруженных вольнонаемных, у которых были свои счета с лакота. К ним присоединился один капитан, со дня на день ожидавший перевода на другое место службы и решивший «не упустить шанс добыть скальп Красного Об-

⁵⁰ Larson, *Red Cloud*, 99; Vestal, *Warpath*, 54; Stands in Timber and Liberty, *Cheyenne Memories*, 103.

⁵¹ McDermott, *Red Cloud's War*, 1:208–24; Monnett, *Where a Hundred Soldiers Were Killed*, 123–34, 280–81n; Frances C. Carrington, *My Army Life*, 144; *Army and Navy Journal*, March 9, 1867.

лака». Каррингтон тем временем велел лейтенанту Джорджу Граммонду, задиристому пьянчуге из числа его недоброжелателей, взять 27 кавалеристов, «поступить в распоряжение капитана Феттермана, безоговорочно подчиняться его приказам и без него никуда не высовываться».

5. «Война Красного Облака», 1866–1868 гг.

Расположение
воинских частей

С 2

Кавалерийская рота
(рота С 2-го
кавалерийского полка)

 18

Пехотный батальон
(батальон 18-го пехотного
полка)

4

Кавалерийский полк
(4-й кавалерийский полк)

21 декабря 1866 г.
Бой Феттермана

засада на холме

гибель Уитли и Фишера

С 2

Граммонд

 18

Феттерман

гибель
Феттермана

 18

Тен Эйк

р. Норт-Пайни-Крик
Пайни-Айленд

р. Саут-Пайни-Крик

«Битва в фургонных
коробках»,
2 августа 1867 г.

заманивание
индейцев

Лодж-Трейл-Ридж

Феттерман

Бозменский тракт

Тен Эйк

р. Пайни-Крик

нападение на
обоз с лесом

горы Салливан-Хиллс
р. Литтл-Пайни-Крик

Форт-Фил-
Керни

ТЕРРИТОРИЯ МОНТАНА

«Битва на
Сенокосе»,
1 августа 1867 г.

Форт-Смит

Форт-Фил-
Керни

Форт-Рино

ТЕРРИТОРИЯ

Пайлот-Хиллс

Индейцы неспешной рысью перевалили через Лодж-Трейл-Ридж, увлекая белых в погоню. Каррингтон приказал Феттерману дальше этого хребта не соваться, и кавалеристы на миг застыли на гряде, уже едва различимые из форта, ни дать ни взять черные крапинки на горизонте. А потом окончательно пропали из вида, устремившись вниз по дальнему склону Лодж-Трейл-Ридж, за которым, в 8,5 км к северу от Форт-Фил-Керни, их поджидали от полутора до двух тысяч индейских воинов, вооруженных в основном луками и стрелами, копьями и боевыми дубинками. О том, что происходило дальше, остается только гадать. Судя по всему, Феттерман пытался остановить Граммонда, но вошедший в раж лейтенант и его люди уже мчались за «подсадными утками». Они проскакали пару километров до пересечения Бозменского тракта с Пино-Крик, где на них ринулись из лощин три сотни всадников и в считанные секунды взяли отряды Граммонда и Феттермана в кольцо. Граммонд развернул своих кавалеристов и поскакал назад, вверх по склону, в тщетной попытке соединиться с Феттерманом. Понимая, что ускакать от индейцев не получится, двое вольнонаемных спешили за скальным выступом и открыли огонь из многозарядных ружей. Их трупы позже найдут среди десятков стреляных гильз и луж крови. Тем временем пехотинцы Феттермана со своими дульнозарядными мушкетами пытались отбиться от наседавших со всех сторон индейцев. Облако стрел, выпущен-

ных по тесной кучке синих мундиров, было таким густым, что индейцы больше рисковали погибнуть от братской стрелы, чем от вражеской пули. По свидетельству шайеннского воина, на глазах которого просвистевшая стрела пронзила голову лакота, стрел вокруг валялось так много, что можно было не доставать свои, а просто подбирать с земли чужие.

Если пехота и сумела дать отпор противнику, то, судя по всему, минимальный. По свидетельству молодого вождя оглала Американского Коня, многих солдат парализовал страх. Вскоре схватка перешла в ближний бой, который лакота называют «перемешиванием соуса». К сраженным стрелой пехотинцам подсакивали индейские воины, спешили и, засчитав ку⁵², добивали врагов, размозжив им головы дубинками. Сам Американский Конь свалил Феттермана и перерезал ему горло. Тот капитан, который похвалялся, что добудет скальп Красного Облака, пустил себе пулю в висок.

Пехота и кавалерия сражались и гибли порознь. Граммонд пал одним из первых, успев обезглавить противника саблей, прежде чем его самого свалил удар боевой дубинки. По словам индейцев, его кавалеристы, сгрудившись, тянули коней вверх по склону, пока те не заартачились. Шестнадцатилетний шайеннский воин Огненный Гром, впервые участвовав-

⁵² Ку (от франц. *coup* – «удар») – обозначение подвига, совершенного индейцем Великих равнин. Засчитать ку – коснуться поверженного или еще живого врага рукой или специальным предметом. Подробнее см. в главе 3. – *Прим. пер.*

ший в бою, хотел поймать ускакавшего коня, «но потом подумал, что сегодня хороший день, чтобы погибнуть, и рванулся в бой. Я не за конями пришел, а за белыми». Поскольку похолодало и склоны холмов обледенели, «нам велели подкрадываться к солдатам ползком», рассказывал Огненный Гром. «Когда мы подобралась ближе, кто-то крикнул: “Вперед! Сегодня хороший день, чтобы погибнуть. Наши жены дома голодают!” Тогда мы все вскочили и кинулись на них»⁵³.

Индейцы не теряли времени даром – из солдат в живых не осталось никого. Высланный из форта на подмогу отряд насчитал впоследствии на месте сорокаминутной схватки 81 раздетый и изуродованный труп. «У некоторых была отрублена верхушка черепа и вынут мозг, у других с корнем вырезаны руки из плеч», – свидетельствовал очевидец. Индейцы выместили на солдатах Феттермана всю свою ярость. В одном из трупов торчало 165 стрел. «Мы ходили по кишкам, разбросанным в высокой траве, – вспоминал другой солдат. – Подбирать-то мы эти кишки подбирали, но не знали, какие чьи. Стало быть, телу кавалеристу доставалась начинка пехотинца, а пехотинцу – кавалерийская».

21 декабря – день зимнего солнцестояния, и в четыре часа пополудни уже стемнело. В сумерках спасательный отряд

⁵³ Belish, “American Horse”, 56–57; Jensen, *Voices of the American West*, 1:280–81; рядовой Хорас Ванкирк – своему отцу, 30 января 1867 г., Форт-Керни в Cleveland Plain Dealer, Feb. 5, 1867; Stands in Timber and Liberty, *Cheyenne Memories*, 103–4; Vestal, *Warpath*, 60, 64–65; McDermott, *Red Cloud's War*, 1:207n, 223–24.

погрузил на подводы трупы, которые удалось отыскать, и повез их в форт вповалку, «будто свиней на рынок», по словам гарнизонного врача. Тридцать одно тело осталось коченеть на поле боя.

Следующим вечером, несмотря на протесты офицеров, Каррингтон, желая, чтобы индейцы не сочли его трусом, повел солдат собирать тела, которые проглядел спасательный отряд. Но продемонстрировать храбрость оказалось некому – индейцев там уже не было. Удовлетворившись славной победой в битве, которую индейцы называли «Сотней в руке»⁵⁴, воины вернулись зимовать в долину реки Тонг⁵⁵.

Вести о «резне» потрясли страну и опозорили армию. Кук снял с должности Каррингтона, Грант снял Кука, а Шерман, вне себя от ярости, заявил Гранту: «Мы должны воздать сиу по заслугам и, если понадобится, уничтожить их всех – муж-

⁵⁴ Название битвы происходит от пророчества ясновидящего лакотского знахаря. Перед сражением он четырежды проскакал по уступу, с которого открывался вид на будущее поле боя, и каждый раз набирал в горсть воображаемых врагов. Наконец знахарь объявил Красному Облаку, что у него в руках уже сотня синих мундиров и он едва их удерживает. – *Прим. пер.*

⁵⁵ Ванкирк – своему отцу, 30 января 1867 г.; 39th Cong., *Fort Phil Kearney sic*] *Massacre*, 10; Murphy, “Forgotten Battalion”, 4:71–72; Guthrie, “Detail of the Fetterman Massacre”, 8; Vestal, *Warpath*, 68. Индейцы потеряли двадцать воинов убитыми, количество раненых не установлено.

чин, женщин и детей». Новому командующему Департаментом Платт полковнику Кристоферу Огару он приказал готовить летнюю кампанию.

Но планы Шермана шли вразрез с грандиозной инициативой мирных переговоров, вдохновленной результатами расследования, которое провел Конгресс после Резни на Сэнд-Крик. В январе 1867 г. комиссия под председательством сенатора Джеймса Дулиттла обнародовала свой доклад. По итогам почти двухлетней работы комиссия пришла к выводу, что болезни, спиртное, межплеменная рознь и «бесчинство белых, не признающих закона», а также «упорная и неотвратимая колонизация белыми охотничьих угодий индейцев» ставят под угрозу существование племен Великих равнин. Высказавшись самым нелестным образом в адрес бесчестных агентов, торговцев виски, наживающихся на дружественных индейцах, а также пустозвонов-переговорщиков, которые только сбивали с толку или злили и без того настроенных враждебно индейцев, комиссия рекомендовала отводить племена дальше от проезжих дорог и поселений белых – в резервации, где из воинов будут воспитывать экономически независимых фермеров-христиан. Эта далеко не новая идея, положенная в основу проекта комиссии Дулиттла, будет определять федеральную политику по отношению к индейцам в ближайшие пятнадцать лет.

Западная пресса единодушно раскритиковала «вечное слюнтяйство и бесхребетность правительства», но Конгресс

и Министерство внутренних дел поддержали Дулиттла. В феврале 1867 г. президент Эндрю Джонсон подписал указ о создании комиссии, призванной решить, как закончить войну с Красным Облаком, не прибегая к оружию. Шерман крепя сердце отложил свои планы в долгий ящик.

На Красное Облако давили не меньше, чем на генерала Шермана. Союзные племена не могли договориться, на кого нападать летом, и, когда Красному Облаку не удалось привести их к согласию, индейцы раскололись на два лагеря. В июле 1867 г. от 500 до 800 шайеннов двинулись на Форт-Смит, а Красное Облако повел тысячное войско лакота в новую битву против Форт-Фил-Керни.

Индейцы не подозревали, что на этот раз имеют дело с гораздо более сильным противником. Полковник Огар выбил для фортов Фил-Керни и Смит подкрепление, вооруженное новыми казнозарядными ружьями, повысившими дальность стрельбы и боевой дух солдат. Однако с пополнением прибыл и новый командир, из-за которого, по крайней мере в Форт-Смите, боевой дух вновь угас. Выражая общее мнение, гарнизонный врач охарактеризовал подполковника Лютера Брэдли как «чванливого старого холостяка-самодура, который никому здесь не по нраву и ничего не смыслит в боях с индейцами». Форт-Фил-Керни повезло больше: туда назначили Джона Смита, имевшего за плечами не одно крупное сражение Гражданской войны и пользовавшегося уважением в армии. Наконец-то Форт-Фил-Керни командовал человек

Первыми тем летом кровь противника пролили шайенны. Поскольку гарнизон вырос втрое (это индейские разведчики выяснили быстро), нападение на Форт-Смит было невозможно. Однако в 4 км от него находился уязвимый форпост, расположенный на сенокосном лугу, где вольнонаемные соорудили небольшой бревенчатый корраль, чтобы укрываться в случае нападения. Вечером 31 июля дружественный кроу предупредил косцов, что на следующее утро «весь лик земли скроется здесь под толпой индейцев». Косцы пропустили предупреждение мимо ушей и утром принялись за работу, как обычно. Пока они косили и скирдовали сено, отряд из 22 бойцов коротал время за игрой в карты и метанием подков. В полдень с наблюдательного поста донесся ружейный выстрел – сигнал тревоги. Когда на луг высыпали сотни шайеннских всадников, солдаты и косцы отступили в корраль. Все попрятались, кроме лейтенанта, который бранил бойцов за трусость, пока не рухнул с простреленным виском, сраженный пулей индейского снайпера. Командование принял погонщик – бывший офицер армии северян Ал Колвин.

⁵⁶ 39th Cong., *Indian Hostilities*, 27; McDermott, *Red Cloud's War*, 2:317, 403; Larson, *Red Cloud*, 111.

Приказы он отдавал исчерпывающие, не трата лишнего слова: «Не высовывайтесь, не торчите на виду. Берегите патроны, последний оставьте для себя». Огневая мощь новых казнозарядных нарезных мушкетов у солдат и многозарядных ружей у гражданских ошеломила шайеннов. После двух неудачных атак индейцы подожгли сено и начали подбираться к противнику, прикрываясь завесой огня и дыма, редющей примерно в двадцати шагах от корраля. Защитники, целя вслепую сквозь дым, все же сумели уложить достаточно противников, чтобы и эта атака захлебнулась. Последнюю попытку взять корраль индейцы предприняли, спешившись и зайдя с юга. Предвидя этот маневр, Колвин сосредоточил свои силы на южной стороне и приказал бойцам палить по врагу с близкого расстояния из дробовиков. Сам Колвин застрелил лакотского вождя – почти у самого корраля, так близко, что индейцы не смогли подобраться и унести его труп и оплакивали своего предводителя на обрыве за рекой.

Битва бушевала четыре часа. Когда началась стрельба, полковник Брэдли захлопнул ворота форта и приказал никому даже носа не высовывать наружу. Но через некоторое время передумал и выслал подкрепление. Прибывшие на подмогу привезли две пушки. Этих «колдовских ружей» индейцы боялись и после первых же выстрелов покинули поле боя.

В «Битве на Сенокосе» погибло не менее двадцати индейцев. Белые потеряли троих убитыми и троих ранеными. Чтобы индейцы хорошенько подумали, стоит ли нападать еще

раз, Брэдли приказал выставить на шесте перед воротами Форт-Смита голову застреленного Колвином лакотского вождя⁵⁷.

А в 150 км к югу по Бозменскому тракту Красное Облако двинулся на Форт-Фил-Керни как номинальный предводитель разномастного сборища воинов, разгоряченных летней церемонией Пляски Солнца. Их целью был аванпост форта – старая лесозаготовка. Укрытием и местом сбора для лесорубов и охранявшей их роты пехотинцев служил корраль, составленный из четырнадцати коробов армейских повозок, – защита довольно сомнительная. Жарким летним утром 2 августа отряд индейцев, повторяя ту же уловку, которая сработала с Феттерманом, бросился врассыпную от лесозаготовительного лагеря. Однако солдаты не дали выманить себя на открытое пространство. Четверо гражданских, два офицера и 26 рядовых залегли в короба, позволявшие отстреливаться через проделанные в стенках «амбразуры», попрятались за бочки и тюки с одеждой – за все, что хоть как-то могло защитить от пули. Капитан Джеймс Пауэлл отдал один-единственный приказ: «Ребята, они идут! По местам, и стреляйте на поражение!» Других слов не требовалось, все понимали, что положение отчаянное. Бывалые солдаты вытаскивали шнурки из ботинок, чтобы привязать ими спусковой крючок

⁵⁷ McDermott, *Red Cloud's War*, 2:381–82, 391–401; Greene, “Hayfield Fight”, 40; David, *Finn Burnett*, 166–67; J. В. Берроуз – Джорджу Темплтону, 3 августа 1867 г., George M. Templeton Papers.

ружья к ноге и успеть вышибить себе мозги, если индейцы прорвут оборону.

Красное Облако вместе с военачальниками и вождями-старейшинами наблюдал за сражением с вершины холма в полутора километрах от поля боя. Дела у индейцев поначалу пошли неважно. Пасущиеся армейские мулы оказались слишком соблазнительной добычей, и двести воинов раньше времени выскочили на плато, чтобы их захватить. Когда основной отряд – вероятно, под командованием Бешеного Коя – ринулся на корраль с юго-запада, индейцы встретили отпор куда более сильный, чем рассчитывали. «Едва мы начали стрелять, тьма-тьмущая индейцев подскакала к нам на полторы сотни шагов и замерла, дожидаясь, пока мы вытащим шомполы и начнем перезаряжать ружья. Они думали, мы до сих пор пользуемся старыми дульнозарядниками, – вспоминал рядовой. – А мы, не теряя драгоценного времени, открывали затворы новых ружей, выбрасывали стреляную гильзу и закладывали новый патрон. Индейцев это озадачило, и они отступили за пределы досягаемости». Впоследствии Красное Облако назовет казнозарядники «ружьями, которые тараторят».

Нежелание индейцев нападать под шквальным огнем из новых ружей отвечало их стремлению сократить потери, но оно стоило им победы в этой битве. Все оборонявшиеся, чьи свидетельства дошли до нас, единодушно признавали, что не продержались бы и десяти минут, если бы индейцы продол-

жили атаку. Но те лишь скакали вокруг корраля на безопасном расстоянии и, выкрикивая угрозы, пускали стрелы из-под шеи лошади, перевесившись на дальний от противника бок. Зрелище было хоть и устрашающее, но безобидное, поскольку целили они в основном наугад. Но и солдаты стреляли ненамного точнее. Попасть в быстро скачущего индейца – задача не из легких, а из-за дыма зона видимости заканчивалась в нескольких шагах от корраля, да и высовываться из короба, чтобы выстрелить, было рискованно. Огонь индейских снайперов был смертоносным, один из них застрелил лейтенанта, поднявшегося во время атаки. Солдат уговаривал его пригнуться, но лейтенант рывкнул: «Не учи меня сражаться с индейцами!» – и тут же свалился, получив пулю в голову.

Во вторую атаку индейцы пошли, спешившись: они приближались к коробам, делая короткие перебежки и падая на землю. Но и на этот раз подобраться к корралю им не удалось. В третьей атаке погиб возглавивший ее племянник Красного Облака. Индейские всадники держались на почтительном расстоянии. Наконец индейцы предприняли последнюю, довольно вялую попытку атаковать и удалились. Капитан Пауэлл потерял семерых убитыми и четверых ранеными. Потери индейцев составили около десяти человек убитыми и тридцать ранеными. Кто-то из индейцев все же праздновал победу: им удалось угнать табун из двухсот мулов. Остальные предпочитали этот день не вспоминать.

Хотя «Битва на Сенокосе» и «Битва у баррикады из фургонов» подняли боевой дух солдат, в стратегическом отношении они ничего не значили. Армии по-прежнему не хватало ресурсов для наступления, и индейцы по-прежнему безнаказанно нападали на Бозменский тракт. Терпя тактические поражения, Красное Облако и другие вожди оставались непреклонны: пусть белые уходят из Бозменских фортов, или никакого мира не будет⁵⁸.

Командующий Форт-Смитом был бы только рад пойти на встречу требованиям Красного Облака. «Единственный способ помириться с индейцами – отказаться от этой земли, – писал полковник Брэдли своей невесте 5 сентября 1867 г. – Нам она не понадобится еще лет десять – двадцать, а у них тут лучшие охотничьи угодья... Стало быть, если не из гуманизма, то хотя бы из экономии нам правильнее было бы уйти, пусть и наступив на свою гордость». Правительство, не располагавшее достаточными силами, чтобы одновременно вести Реконструкцию⁵⁹ поверженного Юга, охранять железную

⁵⁸ Vestal, *Warpath*, 71–73, 76; Gibson, “Wagon Box Fight”, 2:52–54, 63–67; Littman, “Wagon Box Fight”, 2:76, 79–80; McDermott, *Red Cloud’s War*, 2:436.

⁵⁹ Реконструкция Юга – реинтеграция южных штатов Конфедерации и в состав США и ликвидация рабовладельческой системы после окончания Гражданской войны (1865–1877). – *Прим. ред.*

дорогу «Юнион Пасифик» и оборонять Бозменский тракт, тоже было готово капитулировать. От Конгресса, который после колоссальных затрат на Гражданскую войну готовился урезать расходы, помощи в борьбе с индейцами ждать не приходилось. Доводы сторонников примирения, что кормить индейцев будет дешевле, эффективнее и спокойнее для совести американцев, нашли широкую поддержку в обеих палатах. Уступить требованиям Красного Облака побуждало и стремительное продвижение трассы «Юнион Пасифик». Когда к весне 1868 г. железная дорога протянулась до Огдена в штате Юта и обеспечила безопасный проезд к золотым приискам Монтаны, Грант приказал генералу Шерману покинуть форты на Бозменском тракте⁶⁰.

В апреле организаторы мирных переговоров пригласили Красное Облако в Форт-Ларами подписывать соглашение. (Шестью месяцами ранее организаторы заключили соглашение с племенами южных равнин на ручье Медисин-Лодж, обезопасив тем самым путь в Колорадо для белых переселенцев на запад.) В невероятно просторном втором соглашении в Форт-Ларами (не путать с Договором в Форт-Ларами 1851 г.) власти отразили свое видение дальнейшей судьбы индейцев. Заковыристые юридические обороты, которыми пестрел текст, сбивали с толку даже белых чиновников, но требованиям Красного Облака он соответствовал: прави-

⁶⁰ Брэдли – Айони Дьюи, 5 сентября 1867 г., Bradley Papers, U. S. Army Military History Institute; Grenville M. Dodge, *How We Built the Union Pacific*, 28–29.

тельство не только закрывало Бозменский тракт, но и оставляло лакота огромные просторы. Под Большую резервацию сиу в «абсолютное и беспрепятственное пользование и владение» лакота отдавали территорию нынешней Южной Дакоты к западу от реки Миссури. Там правительство обязалось строить школы, тридцать лет снабжать индейцев провизией и выплачивать аннуитеты, а индейцы за это будут переквалифицироваться в землепашцев, иными словами, «цивилизироваться». Кроме того, лакота предоставлялось право охотиться выше реки Норт-Платт (т. е. во всей северной половине Небраски) и вдоль реки Републикан на северо-западе Канзаса, «покуда бизон водится в достаточном для охоты количестве». Наконец, Договор в Форт-Ларамии 1868 г. содержал расплывчатый пункт, определяющий земли к северу от реки Норт-Платт – от западной границы резервации до гор Бигхорн – как «Неотчуждаемую Индейскую территорию». Ее северная граница не обозначалась, но подразумевалось (по крайней мере, правительством), что она проходит по реке Йеллоустон. В общем и целом «Неотчуждаемая Индейская территория» примерно соответствовала северо-восточной части нынешнего Вайоминга и юго-восточной части Монтаны. Единственное четко прописанное в этом пункте договора условие гласило, что ни одному белому не будет дозволено селиться на этих землях без разрешения индейцев. Смогут ли селиться там лакота, пожелавшие кормиться охотой, оставалось неясным. Как бы то ни было, земли лако-

та по этому договору считались неприкосновенными, а мир – постоянным.

4 ноября, спалив форты Фил-Керни и Смит и запасшись бизоньим мясом на зиму, Красное Облако прибыл в Форт-Ларами во главе делегации из 125 лакотских вождей и воинских предводителей, подтверждающей его высокое положение. С благословения правительства он считался теперь верховным вождем лакота. Сановники из комиссии по заключению мира уже уехали, поэтому завершать переговоры выпало командиру форта. Тот не мог противостоять вождю, который явно доминировал и тут же начал диктовать условия. Подчеркнув, что пахать землю его народ не намерен, Красное Облако сообщил, что в Форт-Ларами он прибыл не по вызову представителей Великого Отца, а потому, что нуждался в патронах для борьбы с кроу. Но мир он заключить тем не менее готов. С величайшей торжественностью Красное Облако окунул пальцы в пыль на полу, поставил свою метку на договоре, пожал руки всем собравшимся, а затем произнес длинную речь. Возможно, ему не всегда удастся удержать в узде своих молодых воинов, но пока белые будут соблюдать условия договора, он обещает соблюдать их тоже.

Красное Облако так до конца и не понял, на что он согласился, подписывая договор. Он полагал, что оглала могут обосноваться на «Неотчуждаемой Индейской территории» и по-прежнему, как два последних десятилетия, торговать с белыми в Форт-Ларами. Красное Облако не догадывался,

что власти готовят плацдарм для захвата земель. Принимая закрепленные договором границы, вождь, по сути, давал согласие лишиться свободы в любой момент, который правительство сочтет подходящим⁶¹.

Войну Красное Облако выиграл. Чем обернется для него мир – победой или поражением, покажет только время.

⁶¹ Olson, *Red Cloud and the Sioux Problem*, 72–82, 341–49.

Глава 3

Воины и солдаты

После «Войны Красного Облака» ни один армейский офицер, будучи в здравом уме, не стал бы похваляться вслед за капитаном Феттерманом, что рота солдат способна одолеть тысячу индейцев. Из презренных дикарей они превратились в противников, достойных высочайшего уважения. Сравнивая своих плохо обученных солдат с индейскими воинами, офицеры испытывали изумление. Полковник Ричард Додж, тридцать лет изучавший индейцев в свободное от сражений с ними время, пришел к выводу, что «бойцов лучше них нет в целом мире».

Конечно, индейцы стали превосходными воинами не вдруг и вовсе не с приходом белых на Запад. Племена издавна воевали друг с другом за охотничьи угодья и лошадей. Умение сражаться было частью культуры индейцев, и положение мужчины в обществе определялось его воинской доблестью. Хотя каждое племя отличалось собственными обычаями и характером (горячие команчи, например, полагали, что кайова слишком долго раздумывают, когда нужно действовать, а шайенны считали своих союзников арапахо слишком уступчивыми), в манере управления племенем и ведения войны между индейцами Скалистых гор и Великих равнин наблюдалось удивительное сходство. Отцы воспитывали

вали сыновей, настраивая их на великие военные подвиги, и эта подготовка начиналась с детства. В 5–6 лет мальчиков тренировали пробегать длинные дистанции и переплывать реки, а также регулярно подвергали испытанию голодом, жаждой и лишением сна, чтобы закалить тело. Лет в 7–10 мальчик получал лук и стрелы и упражнялся сперва в дальности стрельбы, затем в меткости. К юношескому возрасту он уже не знал себе равных в верховой езде и был, снова цитируя полковника Доджа, не только великолепным бойцом, но и «ловким укротителем лошадей и образцом прирожденного конника»⁶².

В 14–15 лет юноша отправлялся в свой первый набег – в роли живого талисмана отряда или мальчика на побегушках. К 18 годам он уже должен был засчитать ку, украсть коня и снять скаल्प с врага, к 20 годам мог зарекомендовать себя достаточно, чтобы возглавить небольшой отряд в набеге или сражении, а в 25 лет – стать помощником вождя. Если ему будут сопутствовать удача и успех, он совершит множество подвигов, украдет много лошадей, и, возможно, у него будут две палатки, и в каждой его будут ждать жена и дети. (В типично обычно проживало 6–8 человек.) В большинстве племен карьера воина заканчивалась к 35–40 годам – либо когда на смену ему подрастал сын. (Если человек достигал средних лет бездетным, он усыновлял ребенка другого воина, у которого было несколько прошедших инициацию сыновей.) Бла-

⁶² Richard I. Dodge, *Our Wild Indians*, 426–27.

годаря такой системе принудительного раннего «ухода в отставку» боевой состав племени оставался молодым и сильным. Уйдя на покой, воин становился наставником молодых, тренировал мальчиков или, если достаточно отличился в битвах и обладал могучей магической защитой, выступал вождем совета или предводителем отряда (как Красное Облако), отвечая за разработку стратегии и руководя большими сражениями. И хотя воины с гордостью заявляли о своем желании погибнуть в бою, долгая жизнь не считалась позором. Старейшины племени делились мудростью и опытом и при необходимости сдерживали молодых воинов. Помощь старейшин ценилась так высоко, что для них не считалось зазорным щадить себя и отсиживаться в безопасном месте, кроме тех случаев, когда враги напали на сам лагерь⁶³.

Воинские подвиги оценивались по градуированной шкале, которая незначительно различалась в разных племенах. Самым весомым подвигом считалось ку – прикосновение к противнику, как правило, с помощью длинного разукрашенного прута, называемого жезлом для ку. Если жезла для ку в нужный момент под рукой не оказывалось, годился любой помещавшийся в руку предмет – чем менее смертоносным он был, тем выше оценивалась доблесть. Прикосновение к живому вооруженному врагу без попытки его прикончить ценилось выше, чем по отношению к сраженному противнику. Допустимое число ку на одном трупe у разных племен

⁶³ Mails, *Mystic Warriors*, 520; Grinnell, *Story of the Indian*, 111.

различалось, но самым весомым признавали первое. Помимо этого, воины считали ку на женщинах, детях, пленниках и угнанных лошадях. Более мелкие подвиги включали добычу трофеев вроде щита или ружья, а также снятие скальпа, служившее сразу нескольким целям. Прежде всего свежий скальп предьявлялся в качестве неоспоримого доказательства расправы над противником. Если стычка обходилась без жертв среди своих, то добычу вражеских скальпов праздновали всем лагерем, устраивая церемонию «пляски скальпов», или «пляски победы». Воины оторачивали скальпами боевые рубахи и штаны-леггинсы или привязывали к узде своих лошадей перед битвой.

Чаще всего скальпы снимали с мертвых, скальпирование как способ убийства не было в ходу. При отсутствии других серьезных ранений скальпированный, особенно если это был индеец, как правило, оставался в живых. Индейцы носили длинные волосы, поэтому скальп с вражеского воина снимался быстро и просто. Захватив одной рукой пучок волос или косу, победитель делал надрез шириной 5–10 см у основания черепа, обычно ножом для разделки туш. Резкий рывок за волосы – и кусок кожи отрывался от черепа, «хлопнув, словно пугач». С белыми приходилось повозиться, и иногда воин вынужден был снимать скальп со всей головы врага, чтобы после всех затраченных усилий не остаться с крошечным клочком волос. Индейские скальпы котировались выше скальпов белых, которых воины считали более слабыми

противниками. Во время Битвы Феттермана, сняв с солдата скальп, индейцы тут же в знак презрения швыряли его на землю.

Увечить мертвое тело врага было принято у многих индейцев Великих равнин, и занимались этим и мужчины, и женщины. Белый Запад видел в этом безусловное подтверждение неисправимого дикарства индейцев – те же, в свою очередь, верили, что, обезобразив труп, защищают себя от преследования духом убитого в загробной жизни.

Подвиги были обязательным условием допуска в воинские общества, к которым стремился быть причисленным каждый молодой индеец. Эти общества отчаянно состязались между собой: в начале ежегодного сезона набегов каждое старалось нанести удар первым. Воинские общества Ки-стеня и Лисиц у кроу состязались не только на поле боя, но и в тылу, периодически похищая друг у друга жен, словно лошадей. (Как ни странно, никакими катастрофами это, судя по всему, не оборачивалось.) Воинские общества не обязательно сражались единым отрядом, но, если все-таки выходили все сразу, череда крупных потерь или одно сокрушительное поражение уничтожали все общество целиком. Ожидалось, что их предводители в бою должны презирать опасность, а иногда и заигрывать со смертью, поэтому возможностей для «продвижения» воинам хватало⁶⁴.

⁶⁴ Grinnell, “Coups and Scalp”, 296–307; Marian W. Smith, “War Complex”, 452; Linderman, *Plenty-Coups*, 106–8; Mails, *Mystic Warriors*, 43–44; Nabokov, *Two*

Подвиги были неразрывно связаны с отношениями полов. Боевые заслуги гарантированно покоряли женские сердца и служили для юношей превосходным стимулом героизма в схватках. У кроу, например, мужчина мог жениться только по достижении двадцати пяти лет или засчитав ку, а женатый кроу, не имевший ни одного засчитанного ку, лишался важной привилегии «разрисовывать лицо жены». У шайеннов юноше не позволялось даже ухаживать за девушками, пока он не продемонстрирует отвагу в битве или в набеге. Матери с пристрастием расспрашивали претендентов на руку дочери об их боевых заслугах и, если заслуг набиралось маловато, говорили, что за труса девушку не отдадут. Шайеннские женщины сложили особую песню для тех, кто мог дрогнуть в бою. «Если боишься нестись вперед, – пелось в ней, – поверни назад, и Женщины Пустыни пожрут тебя». Иными словами, женщины грозили затравить труса так, что смерть покажется ему меньшим злом и он еще пожалеет, что не погиб. «Идти в бой было нелегко, и мы часто боялись, – признавался шайеннский воин Джон Стоит В Изгороди, – не отступить и попасть под насмешки женщин было гораздо хуже». Однако даже под страхом подвергнуться осмеянию ни один воин не рискнул бы идти на бой без защиты своих духов – это понятие обычно переводят как «магия». От ее силы зависела его отвага, мастерство и сама жизнь.

Обретение магической защиты начиналось в юности с вы-

зова видения, именуемого также магическим сном. Уединившись в глухом опасном месте, искатель видения выжидал положенный срок – обычно четверо суток – без пищи и воды, призывая покровителя из числа природных объектов, зверей или птиц. Явившийся изъяснялся иносказаниями, которые затем истолковывал духовный наставник – как правило, знахарь за вознаграждение, – или сам искатель, до конца своей жизни размышляя над увиденным. Существо или природный объект, явленные в видении, давали искателю магическое покровительство. Воин старался подражать своему защитнику в бою (быть быстрым, как орел, или хитрым, как лис) и носил на шее мешочек с памяткой о видении. Символы видения он рисовал на своем щите, одежде, лошади и палатке и укреплял его мощь с помощью уникальной священной коллекции предметов, собираемых в большую магическую укладку. Воины, которым не удавалось добиться магической защиты посредством видения, иногда пытались повысить духовную силу через самоистязание. В крайнем случае воин мог купить магическую защиту у знахаря либо попросить поделиться ею друга или члена семьи. Однако магию, приобретенную из вторых рук, считали относительно слабой. К обладателям уже проверенной крепкой магии стекались другие воины в надежде, что она распространится и на них или им еще что-то перепадет от его божественных даров⁶⁵.

⁶⁵ Linderman, *Plenty-Coups*, 49, 106–7.

Ценнейшим имуществом воина считалось ружье, и индейцы не останавливались ни перед чем, чтобы заполучить новейшие многозарядники, среди которых фаворитом был легендарный рычажный винчестер. Однако позволить его себе могли единицы. Большинству приходилось довольствоваться старыми дульнозарядными мушкетами сомнительной эффективности или трофейными однозарядными армейскими ружьями. С большим трудом добывались и боеприпасы. Иногда их недальновидно продавали индейцам солдаты – и осознавали свою оплошность уже в перестрелках, когда получали свои патроны обратно в виде неприятельского огня. Для ремонта оружия индейцам (за редким исключением) не хватало необходимых знаний и инструментов, а отыскать стоворчивого белого оружейника удавалось нечасто.

Таким образом, многим оставалось полагаться лишь на лук и стрелы. Это не значит, что от традиционного индейского оружия не было прока: армейские офицеры изумлялись ударной силе стрелы, даже пущенной относительно новичком. Один молодой лейтенант научился у своих индейских разведчиков стрелять из лука с такой силой, что стрела насквозь пронзала бизона и кончик выглядывал с другого бока. «Чтобы было понятнее, с какой силой бьет стрела, скажу вам, что самый мощный колыт бизона насквозь не пробивает», – пояснял он. В руках индейца, которого с малолетства учили обращаться с луком, это оружие показывало результаты еще более ошеломляющие. «Я видел стрелу, пущенную

на 500 ярдов⁶⁶, – добавил лейтенант. – А еще как-то раз я нашел пригвожденный к дереву стрелой мужской череп. Стрела не просто пробила кости насквозь, но вошла в ствол на такую глубину, что держалась в нем под тяжестью висящего на ней черепа». Полковник Додж, один из лучших знатоков индейского вооружения и тактики, поражался скорострельности луков. По свидетельству полковника, воин «держал в левой руке сразу пять – десять стрел и выпускал их так быстро, что последняя срывалась с тетивы, когда первая еще не коснулась земли». В колчане обычно носили по двадцать стрел, а когда они заканчивались, подбирали новые прямо на поле боя. Дополняли наступательный арсенал воина боевая дубинка и длинное, ярко раскрашенное копье.

Для обороны воины использовали небольшие щиты из бизоньей шкуры, по словам полковника Доджа, «непробиваемые, словно железо, почти безупречная защита от самого лучшего ружья». Веря, что надежнее всего оберегает щит, наделенный магической силой, воин наносил на него священные символы, подвешивал к нему перья и вражеские скальпы и молился над ним, доводя заключенную в нем магию до совершенства. Доказавший свою надежность щит хранили как зеницу ока и передавали по наследству от отца к сыну⁶⁷.

⁶⁶ 457 метров. – Прим. ред.

⁶⁷ Parker, *Old Army*, 273–76; Clark, *Indian Sign Language*, 77–78; Richard I. Dodge, *Our Wild Indians*, 416–20, 422; Powell, *People of the Sacred Mountain*, 1:120.

Перед боем воины старались по возможности обрести дополнительную силу в молитвенном ритуале. Некоторые выходили сражаться в лучшем воинском облачении – как объяснял один шайенн, не потому, что надеялись с его помощью повысить свое мастерство, а чтобы выглядеть как подobaет, если случится отправиться к Великому Духу. Однако, если погода позволяла, воины обычно сражались в одной набедренной повязке, чтобы не стеснять движений и быть ловчее и стремительнее, а кроме того, по поверьям, так оптимизировалась сила магии. Для защиты раскрашивали себя и своих коней священными красками или наносили символы, извещающие весь мир об их победах. Боевая раскраска повергала в страх не только белых солдат, но и вражеских воинов. Разукрасившись должным образом и добыв в личном священном обряде благословение на бой, воин считал, что никакое зло его не коснется. И напротив, воин, застигнутый врасплох и вынужденный вступать в схватку, не проведя необходимых ритуалов, чувствовал себя настолько уязвимым, что зачастую при первой же возможности дезертировал. Магия – оружие обоюдоострое⁶⁸.

Между тем, даже если в схватке лицом к лицу индейцам не было равных, их тактика, разработанная за десятилетия межплеменной вражды, плохо подходила для открытого сражения с прошедшим боевую и строевую подготовку подразделением регулярной армии. Из солдатских рядов индейская

⁶⁸ Marquis, *Wooden Leg*, 140; DeMallie, *Sixth Grandfather*, 107.

орда часто представлялась непобедимой. Окружив толпой своего предводителя, индейцы образовывали неровный, но внушительный строй, который устремлялся в беспорядочную на вид атаку и по сигналу рассыпался, как ворох развеянных ветром листьев, чтобы затем, перегруппировавшись, наброситься с флангов, – тогда, по словам полковника Доджа, «долина превращалась в водоворот из кружащих в стремительном галопе всадников, которые то пригибались к шее лошади, то свешивались набок, уклоняясь от пуль, а то накатывали на врага живой лавиной грохочущего и вопящего ужаса».

Однако лавина эта почти всегда останавливалась на подступах. Индейцы не любили развивать атаку, если не были уверены в победе, и предпочитали расставлять ловушки или заманивать неприятеля в засаду, но и эта тактика срабатывала нечасто (Битва Феттермана оказалась редким исключением). Мало того что уловка обычно была очевидна для любого противника, кроме совсем уж неопытных, молодые воины к тому же часто портили элемент внезапности, выскакивая из засады раньше срока, чтобы засчитать свои первые ку.

Представление о победе на поле боя у индейцев было своеобразным. Если многим удавалось получить боевые заслуги, тот исход, который регулярные войска сочли бы тактическим поражением, индейцы расценивали как триумф. Если же в бою погибал предводитель или великий воин, сражение, независимо от исхода, считали катастрофой, особен-

но если погибший обладал сильной магией. Иногда гибели одного такого воина было достаточно, чтобы остановить атаку индейцев или положить конец битве. Кроме того, индейцы боялись артиллерии – несколько пушечных выстрелов неизменно обращали их в бегство.

При всем почтении к индейским военачальникам, влиянием они обладали довольно ограниченным. Они в общих чертах договаривались между собой, чего надеются добиться в бою. Затем каждый младший вождь собирал вокруг себя соратников и излагал им намеченный план, от которого все и отталкивались. Когда начиналась стрельба, военачальники подавали воинам сигналы несколькими способами, иногда указывая направление вздымаемым в руке флагом, копьем, ружьем или накидкой, иногда солнечными бликами с помощью зеркал, установленных на возвышении, иногда пронзительной трелью боевого свистка из орлиной кости. Воины, как правило, принимали эти указания в расчет, но все равно действовали по собственному усмотрению почти во всем, кроме выноса с поля боя погибших и раненых (поэтому подсчет военными потерь со стороны индейцев оказывался в лучшем случае приблизительным). Воины старательно и долго тренировались подхватывать павших с земли на полном скаку. «Из-за этой тщательно отработанной практики, – сообщал полковник Додж, – почти в каждом официальном рапорте о столкновении с индейцами писали буквально следующее: “Потери со стороны индейцев неизвестны; видели, как

несколько человек свалились с коня”»⁶⁹.

В регулярной армии, судя по всему, не подозревали, что некоторые воины идут в бой с твердым намерением погибнуть: кто-то – чтобы стяжать славу любой ценой, а кто-то – чтобы избавиться от мук неизлечимой болезни или личной трагедии. Индейцы называли их воинами-смертниками. Принятый у них способ попасть в мир иной заключался в том, что они снова и снова кидались на врага безоружными, пока не падали замертво. И хотя особой пользы в сражении они не приносили, подобная гибель считалась самой почетной, и остановить человека, вознамерившегося именно так расстаться с жизнью, никто не пытался. К счастью для боевого состава племени, в смертники обычно стремились немногие.

Смертник как явление был апофеозом очевидного каждому индейцу принципа: на войне и в набеге воин решает сам за себя. Собственно, он всегда отвечал прежде всего перед самим собой. Да, воин слушал своих сверхъестественных покровителей и действовал в соответствии с их наставлениями. Он хранил верность своему воинскому обществу и соблюдал его правила, в число которых порой входило обязательство биться до последнего вздоха, что бы ни случилось. Однако превыше всего была обязанность защищать свой народ – от врагов племени или от солдат. На исходе 1860-х гг. основ-

⁶⁹ Richard I. Dodge, *Our Wild Indians*, 430; de Trobriand, *Military Life*, 62; Grinnell, *Story of the Indian*, 100–108; Linderman, *Plenty-Coups*, 104.

ной массе индейцев солдаты казались меньшим из этих двух зол⁷⁰.

«Война Красного Облака» выявила прискорбную неготовность регулярной армии к борьбе с индейцами. Однако проблемы армии нисколько не волновали покорителей Запада, считавших, что генерал Шерман должен карать индейцев всегда и повсюду, где они мешают жить белым. Если Шерман с этой задачей не справляется, писала пресса на Западе, нужно призвать на федеральную службу местных добровольцев – уж эти не подведут. Возможно, рассуждали редакторы, Шерман в глубине души всего-навсего очередной слабовольный соглашатель.

Травля в прессе доконала Шермана. Уязвленный потерей фортов на Бозменском тракте, в конце 1868 г. он выступил с открытой отповедью для обвинителей:

За последние два года я сделал все, на что может надеяться любой здравомыслящий человек, и если кто-то не верит, пусть идет в армию, тогда он сам вскоре убедится, обрабатывает ли он свое жалованье. С теми мизерными силами, которые нам позволяет Конгресс, охрана незащищенных поселений – задача такая же заведомо невыполнимая, как переловить всех карманников в городах. Поэтому трепать в связи с этим мое имя попросту глупо. Мы исполняем свой долг,

⁷⁰ Richard I. Dodge, *Our Wild Indians*, 434; *Stands in Timber and Liberty, Cheyenne Memories*, 60–61.

насколько это в наших силах.

Силы и средства армейцев не только жестко ограничивались, но и быстро таяли. Даже когда накал Индейских войн стал усиливаться, Конгресс, намеренный выплатить огромный государственный долг, накопившийся за время Гражданской войны, раз за разом сокращал численность регулярной армии. От заявленных в 1866 г. 54 000 человек ее численность рухнула к 1874 г. до ничтожных 25 000. Треть всего состава была отвлечена на Реконструкцию Юга, и армии оставалось только заняться партизанщиной. С любителями кроить бюджет объединялись представители возвращаемых в Союз южных штатов, желавшие обескровить своих бывших противников в синих мундирах, – в итоге от армии фронта осталось одно название.

Сокращением рядов проблемы армии не исчерпывались. В нее больше не вливались серьезные и целеустремленные добровольцы, восстанавливавшие Союз. Им на смену пришел совсем другой контингент. Вопреки нападкам нью-йоркской газеты *The Sun*, состоял он отнюдь не из одних «разгильдяев и бездельников», хотя в ряды солдат попало непропорционально много городской бедноты, преступников, пьяниц и извращенцев. Мало у кого имелось приличное образование, многие были попросту неграмотны. На вербовочные пункты являлись сезонные рабочие, которые с легкостью дезертировали, как только подворачивалось что-то более денежное. Треть армии фронта состояла из недавних

иммигрантов, в основном немцев и ирландцев, некоторые из них служили в европейских войсках и потому были ценными кадрами, да и среди американцев попадались хорошие люди, которые попали в тяжелое положение. Тем не менее, как отметил один генерал, хотя армия стала получать гораздо более совершенные винтовки, «у нас нет умных солдат, чтобы стрелять из них»⁷¹.

Привлекательного в армии было мало. К 1870-м гг. жалованье солдата составляло всего 10 долларов в месяц – на три доллара меньше, чем у добровольцев Гражданской войны десятилетием ранее. Повышение до младшего командного чина давало небольшую прибавку, а тридцатилетняя выслуга – небольшую пенсию, но выдержать такой срок удавалось лишь одному проценту личного состава. Как ни удивительно, учитывая потребность армии в толковых новобранцах, после Гражданской войны минимальный возраст вербующихся подняли с 18 лет до 21 года, и это требование строго соблюдалось.

Новобранец попадал в ряды регулярной армии в одном из четырех крупных вербовочных пунктов – там его ожидали беглый медосмотр, обмундирование не по размеру, скудная кормежка и полное отсутствие боевой подготовки. До назначения в полк новобранцы занимались черной работой. Радость от долгожданной переброски на Запад обычно сме-

⁷¹ Rickey, *Forty Miles a Day*, 18, 22–24; “Army Abuses”, 80; Sherman, “We Do Our Duty”, 85.

нялась унынием при первом же взгляде на место службы, в большинстве случаев являвшее собой малопригодную для жилья развалюху на пустоши. Таким, например, заезжий репортер увидел Форт-Гарланд в Колорадо – горстка приземистых саманных и краснокирпичных бараков с плоской крышей, «своим откровенным убожеством уничтожающая на корню весь боевой дух». В Техасе дела обстояли не лучше. Когда после Гражданской войны полк регулярной кавалерии заново занял Форт-Дункан, выяснилось, что казармы кишат летучими мышами. Кавалеристы разогнали их саблями, но неистребимый «тошнотворный смрад» мышинового помета держался не один месяц⁷².

Генерал Шерман знал, в каких нечеловеческих условиях живет большинство его солдат. Его рапорт 1866 г. по результатам инспекции гарнизонов Миссурийского военного округа читается как заметки на полях приходно-расходной книги хозяина доходного дома в трущобах. Форт-Ларамии в Вайоминге оказался «скопищем разномастных построек всех мыслимых и немыслимых конструкций, разбросанных как попало. Два главных здания так сильно разрушены и так обветшали, что в ветреную ночь солдаты вынуждены спать на плацу». О Форт-Седжуике в Колорадо, первоначально сооруженном из дерна, Шерман писал так: «Если

⁷² Rickey, *Forty Miles a Day*, 339–42; Rideing, “Life at a Frontier Post”, 564–65; Kurz, “Reminiscences”, 11; “Causes of Desertion”, 322; 45th Cong., *Reorganization of the Army*, 122; Henry, “Cavalry Life in Arizona”, 8; Brackett, “Our Cavalry”, 384.

бы плантаторы-южане селили здесь своих рабов, эти лачуги давно бы заклеямили позором как воплощение жестокости и бесчеловечности». Однако улучшить условия жизни солдат фронта Шерман вряд ли мог. Бюджет армии был мизерным, а число гарнизонов велико, так что оставалось только латать дыры⁷³.

В казарме дни сливались в однообразную отупляющую череду. От подъема до отбоя горн диктовал распорядок дневных дел, в которых не было почти ничего от военной службы. Солдаты тянули телеграфные линии и строили дороги, расчищали земельные участки, сооружали и ремонтировали гарнизонные постройки, валили лес, выжигали подлесок и валежник – т. е., как ворчал один офицер, делали все, «кроме того, зачем, как они думали, шли в армию». Из-за скудного финансирования лишь немногие счастливчики занимались боевой подготовкой чаще нескольких раз в год. Стрельбы стали обязательными только к началу 1880-х гг., до того считалось в порядке вещей выпускать на поле боя новобранцев, ни разу не стрелявших из винтовки и не сидевших в седле. Это оборачивалось сущим позором. Во время первого столкновения с индейцами только что присланный на Запад лейтенант с содроганием наблюдал, как его солдаты пытаются пристрелить раненую лошадь: из нескольких сотен выстрелов, сделанных с расстояния менее ста метров, в цель

⁷³ Шерман – Ролинсу, 24 августа 1866 г., 39th Cong., *Protection Across the Continent*, 5–6, 9.

не попал ни один.

Плохой была не только подготовка, но и обмундирование. Летом бойцы жарились заживо в темно-синих шерстяных кителях и голубых брюках, зимой мерзли в тонких шинелях. Обувь была такой грубой, что с трудом можно было различить левый и правый ботинки. Кепи быстро разваливались, вынуждая многих солдат покупать на свое мизерное жалованье гражданские головные уборы. Рубахи были синие, серые или в клеточку – на усмотрение носящего. Кавалеристы повязывали на шею косынку, и большинство либо подшивало заднюю часть брюк парусиной, либо для большего удобства облачалось в парусиновые штаны или вельветовые бриджи, а кто-то вместо уставных ботинок надевал индейские мокасины. Побывавший на фронте английский военный корреспондент писал, что одетые кто во что горазд солдаты «подозрительно напоминали разбойничью шайку»⁷⁴.

До 1874 г. вооружение американской армии являло собой причудливую смесь. Громоздкий пережиток Гражданской войны – дульнозарядный нарезной мушкет «Спрингфилд» – оставался штатным оружием пехоты до тех пор, пока не обрек на верную гибель отряд капитана Феттермана. К концу 1867 г. большинство пехотинцев вооружили «спрингфилдами», стрелявшими заряжаемым с казенной части па-

⁷⁴ Rickey, *Forty Miles a Day*, 122–24; Forbes, “United States Army”, 146; Гарри Бейли – Лукуллу Макхортеру, 7 декабря 1930 г., McWhorter Papers, Washington State Libraries.

троном с металлической гильзой, – именно они так ошеломили лакота в «Битве на Сенокосе» и в «Битве у баррикады из фургонов». В 1873 г. основным вооружением пехотинца стал «спрингфилд» 45-го калибра, а популярные во время Гражданской войны капсюльные револьверы Кольта и Ремингтона сменил того же калибра револьвер Кольта одинарного действия (знаменитый «Миротворец»). Кавалерию вооружали револьверами и однозарядными карабинами Шарпса либо семизарядными Спенсера. Кроме того, им полагались сабли, которые, правда, редко брали в сражение, поскольку понимали: пока всадник доскачет до индейца, чтобы рубануть того саблей, его самого нашьпигуют стрелами. Солдаты возмущались, что плохо вооружены, однако мало кто из них стрелял достаточно метко, чтобы не позорить хотя бы имеющееся оружие.

Отрезанные от остального мира и тупеющие на бесконечной физической работе, солдаты влачили «угрюмое и тягостное существование». Хорошее питание могло бы поднять боевой дух, но рацион был таким же однообразным, как и распорядок дня. Дежурную основу меню составляли поджарка с картофелем, печеная фасоль, водянистое мясное рагу, которое называли «трусцобной похлебкой», грубый хлеб и жилистое мясо пасущегося в прериях скота. Солдаты дополняли рацион овощами, выращенными на гарнизонных огородах. В походных условиях провизия большей частью состояла из бекона и оставшихся с Гражданской войны галет.

Рано или поздно все солдаты, кроме самых праведных, попадали по крайней мере в один из трех грехов фронта: пьянство, разврат и азартные игры. До 1877 г., когда президент Резерфорд Хейз, вняв увещеваниям поборников трезвости, запретил продажу спиртного на военных базах, солдаты покупали алкоголь у маркитантов, чьи лицензированные заведения были и магазином, и баром, и клубом, где за пьющими был хоть какой-то присмотр. Когда вступил в силу запрет на продажу спиртного в гарнизоны, солдаты проторили дорожки на «свинячьи ранчо» – притоны за пределами гарнизона, предлагавшие страждущим самопальный виски и дешевых проституток. Кроме того, в поисках плотских утех солдаты нередко наведывались в палатки гуляющих индианок или ходили к гарнизонным прачкам, которые иногда не прочь были заработать «сверхурочные» к своему жалованью. Последствия угадать нетрудно. По словам одного будущего генерала, из-за разгула венерических болезней на заставах язвительно говорили, что у гарнизонных врачей «всех забот – прачек от работы отстранять да триппер лечить»⁷⁵

⁷⁵ Rickey, *Forty Miles a Day*, 116–21, 131, 141, 159, 168–69; “Life in Arizona”, 223; Forsyth, *Story of the Soldier*, 140–41; Elizabeth B. Custer, “‘Where the Heart Is,’” 309.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.